

ДМИТРИЙ
ЯНКОВСКИЙ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ТРЕТЬЯ РАСА

Правила подводной охоты

Дмитрий Янковский

Третья раса

«ЭКСМО»

2005

Янковский Д. В.

Третья раса / Д. В. Янковский — «Эксмо», 2005 — (Правила подводной охоты)

Подводная охота продолжается! Несмотря на то что охотник Роман Савельев был отправлен в отставку, его снова ожидает глубина. Забытая всеми донная ракетная установка, сохранившаяся со времен Третьей мировой войны, угрожает нанести ядерный удар по Европе. Власти бессильны перед страшной угрозой, и только бывшие подводные охотники-ветераны способны разработать план по ее устранению. Но для осуществления этого плана придется рисковать очень многим, пойти на конфликт с законом и даже вступить в сговор с биотехнологическим чудовищем-мутантом. Каждый шаг на этом пути смертельно опасен, ведь глубина не прощает ошибок...

© Янковский Д. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Янковский Дмитрий

Третья раса

Собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажень, и все падали и разбивались вдребезги!

– Не надо! – закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила вверх вслед за другими.

Г.Х. Андерсен «Огниво».

Пролог

Мой скафандр изо всех сил молотил жаберными крышками, прогоняя через налитые кровью жабры бедную кислородом воду. На глубину четырех километров не проникает ни единого кванта света, здесь всегда темно, холодно и страшно. Именно здесь живет Смерть. Нет, действительно, если и есть у нее где-то логово, то именно в этой бескрайней базальтовой пустыне океанского дна. Здесь жутко даже вдвоем, а в одиночку совсем неважно, все время хочется больше света, но нельзя потакать себе в безумном расходовании «светлячков» «СГОР-4». И все же я пошел на поводу у страха, снял с каркаса очередную ракету и запустил ввышину. Там уже догорало искусственное солнышко, и будет гораздо лучше, если через пару секунд вспыхнет новое.

Когда стало светлее, я сверился с показаниями орбитального навигатора и продолжил путь. Чтобы экономить глюкозу, поддерживающую жизнедеятельность скафандра, я не врубал водометы, а двигался только на перистальтических сокращениях внешней мускулатуры аппарата. Так получалось медленно плыть всего в нескольких метрах от донной глади, но я все равно чувствовал, что скафандр выдыхается. Ему ведь приходилось дышать за нас обоих, к тому же расстояние от базы «DIP-24-200» мы преодолели не малое.

«Долговязый, ответь Копухе», – передал я в эфир жестами Языка Охотников.

Когда легкие до отказа заполнены физраствором, чтобы противостоять чудовищному давлению глубины, использовать слова не выйдет. Поэтому общаться приходится жестами – перчатка переводит движения пальцев в текст, а рация на каркасе выбрасывает закодированные сигналы в эфир.

– Я здесь, Копуха, – дрогнули голосом Долговязого биомембраны под хитиновым шлемом. – Тебя плохо видно на сонарной проекции. Ушел далеко.

«Знаю, – ответил я. – Но и здесь все чисто. Только донные акулы иногда появляются».

– Возвращайся, у тебя же скафандр голодный.

«Ничего с ним не станет. Продвинулся еще на километр по азимуту, может, найду какие-нибудь следы».

Однако аппарат действительно двигался все более вяло, и это начинало меня напрягать. Наконец я решился на крайнюю меру, снял с каркаса медицинский модуль и достал оттуда инъектор с раствором глюкозы. Чуть приподняв хитиновую пластину на животе, я нащупал инъектором пульсирующую вену скафандра и всадил в нее дозу питательного вещества. Через минуту аппарат ожил настолько, что у меня появилась возможность врубить водометы. Скафандр, подобно кальмару, набрал в мантию воду и частыми толчками погнал меня вперед, разгоняясь все больше. Сразу сделалось веселее, и если бы не «рассол» в легких, я бы даже забубнил под нос какую-нибудь песенку.

Примерно через полкилометра я нашел тушу дохлого кашалота. Акулы-падальщики и донные ракообразные уже порядком ее объели, но все же при ближайшем осмотре я без труда

определил причину гибели животного – в боку зияла здоровенная рваная рана, словно в кашалота пальнули из ракетомета с близкой дистанции. Хотя даже от попадания ракеты рана была бы поменьше. Нет, тут поработала живая тварь, скорее всего скоростная торпеда-биотех, вроде «Барракуды», с которой мне уже приходилось встречаться. Взрывается она не так сильно, как противокорабельные пожиратели планктона, поскольку рассчитана на уничтожение живой силы противника, но оказывается достаточно и для кашалота. Зато у «Барракуды» скорость такая, что можно не волноваться – и на водометах от нее не уйдешь. Так что если сонар засекает такую цель, то остается одно – драться.

Я поежился, вспомнив схватку с «Барракудой» в Средиземке. Если бы не подмога со стороны Рипли, если бы она не подставила себя под удар, я бы не справился с этой тварью. Странно только, что в этот раз такая же торпеда напала на кашалота. Не приходилось мне раньше слышать, чтобы биотехи атаковали обитателей океана.

«Здесь кашалотдохлый, – сообщил я Долговязому на базу. – Похоже на прямое попадание биотеха. Первый раз вижу, чтобы целью оказалось животное».

– Ого! Вот это находка! Ну ты молодец, Копуха! Торпеда просто так на зверя не нападет. Скорее всего кашалот вошел в охранную зону. Будь осторожен, такие места контролируют обычно с десятков хищниц. Тварь может быть где-то рядом.

Предупреждение было лишним, поскольку сонар скафандра работал в широком радиусе и предупредил бы меня заранее о появлении скоростной цели. Но очередной «светлячок» над головой начал меркнуть, и это никак не прибавляло оптимизма. Запустив еще одну ракету, я не выдержал и снял тяжелый гарпунный карабин с боевого каркаса. С такой штуковиной, снаряженной десятью активно-реактивными гарпунами, прибавляется смелости даже на дне океана.

Закончив осматривать тушу кашалота, я развернулся, чтобы снова выйти на азимут. Но в этот момент пискнул сонар, и через секунду выдал на прозрачный хитин шлема зеленый текст параметров цели. У меня сердце чуть не разорвалось от страха – цель была не одна. Пара из «Барракуды» и более тяжелой «СГТ-30» шла точным курсом на меня.

Светящиеся бактерии на мониторе быстро складывались в меняющиеся цифры – полтора километра удаления, тысяча триста метров, тысяча двести... Недолго думая, я поймал в сетку прицела «тридцатку», поскольку маневренность у нее похуже. Даже на таком большом удалении она вряд ли увернется от разогнавшегося гарпуна. Едва пискнул сигнал захвата, я вдавил спуск, и меня крепко толкнуло в плечо отдачей. Гарпун белой стрелой рванулся вперед, расчертив черное пространство глубины надвое.

Секунды через две детектор прицела показал точное попадание, что меня сильно обрадовало – даже опытным охотникам не всегда удавалось с первого раза поразить хоть и медлительную, но вполне сообразительную «тридцатку». Но не успел я об этом подумать, как меня шарахнуло ударной волной. Это же надо было попасть точно в хитиновый язычок детонатора! Не повезло.

Удар был страшным – все же тридцать килограммов смешанного с азотной кислотой жира, из которого состоит боевой заряд биотехов, при взрыве создают чудовищную компрессию, во много раз усиленную высоким давлением придонных глубин. На столь крепкую затрепщину я как-то не рассчитывал, поэтому не сумел удержать карабин. Он плюхнулся на дно, подняв серую пелену ила, я хотел рвануть вниз, за ним, но скафандру от удара досталось больше чем мне. От серьезной контузии глубинный аппарат сначала замер, сжавшись, а затем задержался в конвульсиях, отказываясь подчиняться моим нейрокомандам.

Прозрачный хитин шлема дал трещину. Само по себе это не страшно, ведь давление сдерживал не он, а несжимаемый «рассол», закачанный внутрь скафандра и внутрь легких, но это создавало проблему другого плана. Между слоями хитина жили светящиеся бактерии, из

которых складывался текст показаний приборов и средств связи. Так что без них я остался глух, слеп и совершенно незащищен перед ужасом глубины.

«Светлячок» наверху замерцал последним светом и погас, оставив меня в полной, крошечной, непроницаемой темноте. Я хотел сорвать еще одну ракету с каркаса, но ничего не вышло – мышцы скафандра дергались в судорогах, не позволяя мне сделать ни одного осмысленного движения.

От ужаса и начинающегося удушья я проснулся и чуть не упал с кровати. Было еще темно, рядом под одеялом посапывала Леся, а за окнами мерно вздыхал океан. Все было как обычно. Даже сны об охоте, сны-воспоминания, сны-ужасы, стали привычными. Вот уже год, как они преследовали меня по ночам. Я просыпался вот так, иногда вскриком будил Леську, но ничего ей в подробностях не объяснял. Она подозревала, что мне снится служба. Точнее знала. Но сейчас она спала, и это было прекрасно.

Я тихонечко поднялся с кровати, подошел к окну и нажал кнопку, поднимающую прозрачный акрил. Привод сработал почти бесшумно – Леське построили прекрасный дом. В комнату ворвался легкий океанский ветер и звон цикад. Океан шипел, урчал прибоем в темноте, как огромный зверь, ворочающийся во сне. Я постоял немного, закрыл окно и осторожно залез к Леське под одеяло.

Сегодняшний сон немного отличался от всех предыдущих. Он не был воспоминанием в прямом смысле слова. В нем все было настоящим – сверхглубинная база, Долговязый, скафандр, «светлячки», торпеды... Все как во время охоты. С той лишь оговоркой, что мне не пришлось побывать в такой ситуации. Один раз я столкнулся с «Барракудой» в Средиземке, эту отчаянную битву не раз еще буду вспоминать, но вот «тридцатку» на дне океана мне брать в прицел не приходилось. Была возможность, когда приближался к Поганке, но боги морские миловали. И к чему такой сон?

Я ощутил нарастающую тревогу, пока неосмысленную, непонятную, очень далекую. И все же вполне материальную. Торпеды «СГТ-30» не относятся к автономному классу. Они входят лишь в систему боевых охранений более крупных, более серьезных объектов. Таких, какой была, к примеру Поганка. Но Поганку я своими руками взорвал. Все пятьдесят тонн нитрожира. К чему же тогда этот сон? Воспоминание, бред или предчувствие?

Хотя какое предчувствие, барракуда его дерит? Мне ведь никогда, ни при каких обстоятельствах не уходить больше на океанское дно. Все, кончилась для меня охота. Жив остался – и то хорошо. Леся не раз говорила об этом.

Я перевернулся на бок, подтянул одеяло до носа и снова уснул.

Глава 1

День рождения

Мы с Лесей брели по берегу и глядели, как океан медленно катит тяжелые волны. На ней, поверх купальника, была только черная рубашка из тонкого шелка, с пуговицами из перламутровой раковины. Ветер играл краями ткани и перебирал короткие Леськины волосы цвета спелых каштанов. За ней на песке оставались следы босых ног. Я тоже разулся и закатал штаны до колен – ступни приятно проваливались в прохладный песок.

Вообще, на прибой можно смотреть бесконечно, я заметил это давно. К тому же океан всегда разный. Для некоторых это банальная истина, но на самом деле они все упрощают. Им кажется, что океан может быть пасмурным или солнечным, ночным или дневным, ветреным или тихим. Однако у каждого из этих состояний так много оттенков, что когда научишься распознавать их, поймешь, что одно и то же не повторяется никогда.

Каждая волна, как минута жизни – подкатывается, наступает, существует какое-то время, а затем растворяется в бесконечности мира. Мы шли молча. Океан всегда создает шум, сравнимый с музыкой – он не мешает говорить, но, если хочется, можно слушать только его, причем в подобном молчании нет налета неловкости, которая всегда возникает между собеседниками в тишине.

Волны накатывались, теряли силу и отступали, повинаясь единому ритму, неизменному миллионы лет. Леся только что рассказала мне забавную космогоническую теорию, придуманную буддистами в незапамятные времена. И мне хотелось ее обдумать. Тем более что берег для этого – самое место. Согласно древней концепции возникновение Вселенной есть ни что иное, как выдох Будды – он выдыхает, создавая миры, а потом вдыхает и мир исчезает. Вдох-выдох. Очень все просто. Но в эту простоту легко вписывается вся сложность мира, как та, которую ученые уже открыли, так и скрытая от нас до сей поры. Вдох-выдох. Большой Взрыв, расширение Вселенной, а затем, возможно, остывание и сжатие. Ученые говорят «возможно», но Леська уверена, что вслед за расширением и остыванием непременно наступит сжатие, нагрев, а потом новый взрыв, в горниле которого возникнут другие миры. Она сама хоть и биолог, но к науке относится странно, на мой взгляд. Точнее, у нее к науке свой подход, как и ко всему остальному – даже ко мне.

Сегодня мой день рождения. Утром я проснулся с ощущением грусти, не понимая, что стало причиной этого. Может, забытые обрывки сна? Сон приснился действительно странный, но сейчас его ощущения уже улеглись, потускнели, стерлись. Может, меня огорчило отсутствие Леси рядом, когда я проснулся утром? Она редко просыпалась раньше меня и уж точно никогда первой не готовила завтрак. Обычно мы делали это вместе, а тут аромат печеного тунца проник в комнату, едва я открыл глаза. И тут до меня дошло – причиной печали был именно мой день рождения. Этот праздник всегда с грустинкой, но сегодня зацепило как-то особенно сильно. А за окном, как на зло, клубились тучи на горизонте.

Такое ощущение сквозит в японских текстах, описывающих цветение сакуры. Нежные лепестки падают, и ветер уносит их навсегда. В эти дни в Японии возрастает число ритуальных самоубийств. Я знал, что сакура часто цветет как раз в мой день рождения – второго апреля. Этими мыслями я решил не делиться с Лесей, она поздравила меня, подарила большую ракушку, и мы вместе позавтракали тунцом. Я старался выглядеть веселым, но чем больше усилий я прикладывал к этому, тем больше тревога и грусть одолевали меня.

После завтрака мы вышли прогуляться вдоль берега. Кажется, Леся догадалась о моем состоянии, и наш разговор, разбавленный длинными паузами, приобрел философский харак-

тер. Тучи наплзали с юга сплошной пеленой. Они были еще далеко, но меня потихоньку начинало колотить от предчувствий.

– Почему ты так мало рассказывал мне о службе в охотниках? – Леся подобрала с песка камушек и забросила далеко в океан.

Что я мог ей ответить? Что с берега океан похож на великолепного зверя, заключенного в клетку? Или рассказать, что я не могу спокойно смотреть за черту горизонта, зная, что больше не попаду за нее? Или как трудно мне без боли вспоминать о глубине, зная, что километровая толща воды никогда больше не стиснет меня? Мне казалось, что Леся этого не поймет, ведь она, в отличие от меня, почти каждый день работает в океане. К тому же океан для нас символизирует разных зверей: для нее он красивое травоядное, а для меня – хищник. Она ведь не видела его зубов, а мне приходилось.

– Тебе не понравится, то, что я могу рассказать, – ответил я.

– Думаешь, я не знаю, в чем состоит служба охотников? – сощурилась Леся. – Думаешь, не знаю, за что дают награду под названием Кровавая Капля, которую ты хранишь в шкатулке? Ты – кокетка. Делаешь вид, что занимался чем-то ужасным, хотя на самом деле все, кого ты убил, заслужили этого. И ты прекрасно об этом знаешь.

– Еще бы твои коллеги были в этом так же уверены, – насупился я и отвернулся в сторону океана. Волны напирали на меня, как враги в дурном сне, когда стреляешь по ним, выпуская из карабина один гарпун за другим, но они все равно прут, как заговоренные.

– Не все ли равно, что думают о тебе на станции? – она подобрала еще один камушек, но не бросила. Ей понравился белый узор на нем, напоминающий след чайки или древнюю руну.

– Для меня не все равно. Если бы не тень моей службы, я бы устроился вместе с тобой работать хоть кем-нибудь. И не был бы вынужден целый год сидеть сложа руки. Я не могу без океана, неужели ты этого не понимаешь?

– Понимаю, – в ее голосе послышалось сочувствие.

И хотя я был зол, шторм эмоций во мне постепенно улегся. Мне показалось, что она и впрямь все поняла.

– Я не бывший охотник, – мне стоило усилия сказать это. – Я им остался, несмотря на то, что меня списали. И мне нечего стыдиться. Однажды, я тогда был еще совсем салагой, мы убили очень опасную мину возле Одессы. Она была старой, из икринки вылупилась давно, успела как следует наесться планктона и накопить около двадцати тонн жира, смешанного с азотной кислотой из специальных желез. Нитрожир – это почти нитроглицерин. Одна из самых мощных взрывчаток на свете, не считая водородной бомбы, конечно. Если бы эта мина рванула в километре от берега, небоскребы Одессы сорвало бы с антигравитационных приводов, и они бы рухнули, превратив город в пыль.

– Ты зря не рассказывал мне об этом.

– Наверное, зря, – согласился я.

Она взяла меня за руку и тихонько коснулась губами моей щеки. Ее тепло влилось в меня, пронеслось сверху вниз по телу, смывая, как старую плотину, остатки обиды и раздражения. Я обернулся, обнял Леську и, закрыв глаза, прильнул губами к ее губам. Мир превратился в ее дыхание, в ее запах, смешанный с запахом океана. Неожиданный порыв ветра сорвал с гребня волны пену и донес до нас соленые брызги.

– Если бы ты рассказал об этом раньше, – Леся чуть отстранилась и мне пришлось разомкнуть объятия, – мне было бы легче устроить тебя. А так пришлось преодолевать трудности.

– Что? – не поверил я собственным ушам. – Ты устроила меня на «Тапрабани»?

– Да. Это мой подарок тебе на день рождения.

– Леська! – я задохнулся и ощутил, что на глаза навернулась предательская влага. – Ты лучший на свете друг!

Я ничуть не лукавил, ведь это была самая большая моя мечта – остаться с Леськой и не расставаться с океаном.

– Сегодня твоя первая смена, – она улыбнулась и потрепала меня по волосам. Потом добавила: – Охотник.

– А кстати, кем ты меня устроила? – запоздало поинтересовался я. – Нырять?

Понятно ведь, что для работы на биологической станции нужно специальное образование. У меня же оно было чересчур специфичным.

– Сторожем. В смену старому Бену. Будешь хозяином станции, когда на ней никого нет. Еще зверей надо кормить.

Это чуть остудило мою радость – я все же рассчитывал получить работу ближе к специальности. Но расстраиваться не стал, ведь работа была в океане. Этот факт искупал все ее недостатки.

– Кажется, будет буря, – я глянул в сторону горизонта.

– Скорее всего. Тогда нам надо скорее на станцию. Ты заступишь пораньше, освоишься, а я выпущу Тошку и Лидочку из вольеры. Заодно познакомитесь. Только надолго я с тобой не смогу остаться, мне надо сгонять на материк, забрать документы по тренингу для Тошки.

– Жаль.

Но на самом деле Лесин подарок так меня взбодрил, что некоторое время я мог бы пожить без нее. В общем, я не очень расстроился. Я представил, каких трудов ей стоило уговорить начальство принять меня в штат, ведь ее коллеги относились ко мне с настороженностью. Они считали меня убийцей и были правы. В какой-то мере, конечно, поскольку никому из них не приходилось видеть живых пиратов и скорострельный пулемет, направленный прямо в лицо. В этом я им завидовал.

Леся чмокнула меня в щеку и потянула за руку к дому, где в эллинге стоял катер.

– Заскочи на кухню, – попросила она, – прихвати что-нибудь съестного. А то два дня на станции никого не будет, и камбуз не работает. А я катер пока заведу.

Я обогнал ее и вскоре взбежал по ступеням в наше жилище. За два прошедших года оно перестало вызывать у меня бурный восторг, как поначалу, хотя домик на острове в Индийском океане я бы ни за что не променял на жизнь в северном городке вблизи Светлогорска, где прошло наше с Леськой детство.

Иногда, правда, меня охватывала ностальгия по тем временам. Я вспоминал, как мы с Вовкой, Лесей и занудой Вадиком играли в охотников, прыгая по лесу с самодельными ружьями и гарпунными карабинами. Все мечтали попасть в охотники, в том числе и Леся, конечно, но получилось у меня одного. Теперь же от года в учебке и неполных двух лет службы остались только щемящие воспоминания, бусинка Кровавой Капли, полученная после боя в Северной Африке, десяток фотографий, сделанных Долговязым, и косые взгляды Лесиных коллег. Еще остался служебный адрес Чистюли, с которым мы прошли огонь и воду как в прямом, так и в переносном смысле слова. Однако с того дня, как мне пришлось навсегда снять темно-синюю форму, мы с ним не встречались ни разу. Ни мне, ни ему не хотелось вспоминать, как у Пушкина, «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

До чего же меня угнетало мое списание! Другие бы радовались, что остались живы, поднимаясь в дохлом гибридном аппарате с трехкилометровой глубины. А я считал это нелепой случайностью. Случайностью, которая привела к тяжелейшей баротравме, несмотря на усилия Молчуны, тащившей меня на движках своего скафандра. Хотя с Молчуней все было сложно. Если бы мне не пришлось ее успокаивать после гибели Жаба, мы бы не подрались, я бы не наткнулся спиной на острый край перекрытия станции и не нанес бы своему скафандру смертельные раны. Когда аппарат с порванными жабрами задергался в конвульсиях и испустил дух, мне ничего не оставалось, как продуваться из баллона смесью водорода и кислорода. А на такой глубине это верный способ схлопотать кессонку, даже учитывая оставшуюся после командира

декомпрессионную таблицу для гремучего газа. Леся говорила: «Выжил, и то хорошо». Но без океана разве жизнь?

Поначалу домик на острове казался мне неплохой альтернативой – я мог видеть океан и Лесю одновременно. Но все получилось не совсем так. Леся продолжала работать на биологической станции, надолго оставляя меня наедине с призраками воспоминаний, а океан... С берега он действительно похож на великолепного зверя в клетке. Хэмингуэй застрелился, когда понял, что не может больше поехать в Африку – он не хотел смотреть на жирафов в зверинце. Так что без Леси я попросту ненавидел наш дом вместе с островом. И вот сегодня она подарила мне работу на станции «Тапрабани». Несмотря на недостаток образования, которым время от времени попрекала меня Леся, у меня был внушительный опыт работы на сверхбольших глубинах, так что втайне я надеялся на подобный исход. Начальство «Тапрабани» прекрасно знало о моем прошлом, но остерегалось принять в коллектив человека, убивавшего за деньги других людей. Это они думали, что за деньги. На самом деле все было намного сложнее, но мне не хотелось никому ничего объяснять. Даже Леске, если честно.

Пройдя на кухню, я собрал несколько пакетов с едой и четыре банки мангового сока. Сердце в груди колотилось от предчувствия больших перемен, и у меня не получалось его успокоить. Я понял, что за грусть одолевала меня с утра. Получалось, что сегодняшний День рождения был в то же время и днем расставания с прошлым. Сегодня я должен буду окончательно от него отказаться, сам списать себя из охотников и начать новую жизнь. Жизнь без карабинов, амфибий, батипланов и аппаратов для жидкостного дыхания. Гражданскую, в общем, жизнь. Зато в новой жизни будет работа в океане, да еще и с Лесей. Следовало это принять, раз уж так все получилось.

«За четыре месяца это ведь первый мой выход в океан, барракуда меня дери!» – с волнением подумал я, подыскивая, во что уложить еду.

Первой мыслью по этому поводу было взять Лескину сумку в гостиной, но, подумав, я решил сначала сделать несколько, как мне показалось, важных приготовлений. Собравшись с духом, я взбежал по лестнице на второй этаж, где располагалась наша с Леской библиотека. Толкнув дверь, я шагнул к своему столу, на котором сиротливо пылилась прощальная фотография со службы. Вся наша команда – я, Молчунья, Рипли, Чистюля, Викинг и на песке тень Долговязого с камерой. У меня вновь защемило сердце, и я перевернул снимок изображением вниз.

Выдвинув ящик стола, я порывлся в нем и достал крохотную шкатулку из красного дерева. У меня были сомнения в необходимости этого поступка, в особенности я не представлял, что скажет Леска по этому поводу. Но мне стыдно было выйти в океан, как салаге – в затрапезных закатанных брюках, в легкомысленной пестрой гавайке и без значка, заработанного в бою. У меня с океаном были особые отношения, и в конце концов я посчитал себя в праве сделать по-своему.

Открыв шкатулку и достав оттуда булавку Кровавой Капли, я хотел было приколоть ее к воротнику гавайки, но почувствовал, что совершаю кощунство.

– Барракуда! – ругнулся я вслух, звучно захлопнув коробочку.

С Кровавой Каплей, зажатой в пальцах, я чуть ли не кубарем скатился по лестнице и метнулся в кладовку. Открыв раздвижную дверь, я зажал наградную булавку в зубах и принялся рыться в вещах – сначала достал и надел форменные темно-синие брюки взамен повседневных, затем опоясался кожаным ремнем, на котором в дни службы носил глубинный кинжал, а поверх натянул форменную же рубашку. К ее воротнику я с удовольствием приколот алую бусинку Кровавой Капли и улыбнулся. Со стороны мои действия могли показаться наивными и бессмысленными, но для меня они имели значение. Выход в океан был для меня событием, и я хотел показать это. Кому? Океану, наверное. Так самураи надевают чистые одежды, гото-

вась к смертельной встрече с врагом. Чтобы враг имел возможность убедиться в готовности самурая к смерти.

Подумав, я отцепил погоны, затем глянул на босые ноги и вынул тяжелые форменные ботинки. Вообще-то эту обувь нельзя назвать самой удобной, но было в штурмовых говнодавах некое настроение – как раз то, которое овладело мной. Я намеревался войти в клетку к своему зверю и должен был как следует экипироваться. Хотя бы символически, так как сделать это реально у меня не было возможности – ни к какой глубинной технике у меня не было доступа, да и допуска к ней теперь тоже не было. Год назад врачи размагнитили мой подкожный чип, после чего ни один сверхглубинный жидкостный скафандр не впустит меня в себя. Теперь я могу нырять только с экипировкой клубных дайверов, но уходить в глубину с аппаратом воздушного типа для меня было так же зазорно, как космонавту былых времен управлять монгольфером. В общем штурмовые ботинки были единственной реальной экипировкой, которой я мог воспользоваться. Вот и все.

Зашнуровавшись, я несколько раз подпрыгнул на месте, присаживая обувь по ноге, затем вынул из под картонных коробок штатный походный рюкзак охотников.

«Вот сюда и положу пакеты с едой», – подумал я, направляясь на кухню.

Чувствовал я себя замечательно, давно мне уже не было так хорошо. Даже реальная перспектива получить от Леськи взбучку за дурацкое переодевание не расстраивала меня. Негромко напевая марш охотников «В далях морских нам не будет преград», я сгреб съестные припасы в рюкзак и бодро вышел из дома. Крепчающий ветер встретил меня упругим напором, но форма охотников была специально скроена, чтобы противостоять всем океанским штормам – ее темно-синий цвет как раз и символизировал океан перед бурей. По небу тонкой пеленой неслись быстрые облака, отбрасывая под ноги трепещущие муаровые тени. Свет солнца был желтым, отчего окружающий мир напоминал изображение на древней пересвеченной киноплёнке.

Леська уже вывела катер из эллинга и теперь на турбинной тяге выравнивала его по ветру, пробуя подойти к пирсу. Катер был новым – его выдали Леське на станции всего три дня назад. Неплохая машина, со всеми новомодными приблудами вроде экранно-полевой системы глисирования, четырехизлучательным сонаром высокого разрешения и прямоточным форсажем. Вспомнив Молчунью, я подумал было, что она от такого комплекта была бы в восторге, но потом усомнился в этом. Чересчур уж гражданским был этот катер – слишком много хрома, слишком много облегченных деталей, слишком изящные формы. По натуре такая машина была похожа скорее на грациозную быстроногую лань, чем на грозного хищника, и могла не произвести на Молчунью никакого впечатления. Хотя, в своей маниакальной страсти к моторам, она могла восхититься любым куском металла или керамики, только бы в нем имелись цилиндры, поршни, валы, клапаны или турбины. Как то, еще когда мы парились на базе в Атлантике, она от скуки взялась перебирать старый асфальтоукладчик, чтобы приделать к мотору какой-то лепестковый клапан. Правду говорят, что талант и сумасшествие ходят рядом.

Я вздохнул, закинул лямку рюкзака на плечо и поспешил к катеру. Пока я до него добирался, океан пуще прежнего вздыбил волны – теперь они били через щели между досками пирса. Увидев мой маскарад, Леся напряглась – я заметил это отчетливо даже через затемненный ветровой обтекатель. Однако она ничего не сказала по этому поводу. Не было насмешек, подтруниваний и прочих демонстраций остроты языка. Уж не знаю почему. То ли она угадала мое состояние, то ли свист турбин и грохот ветра в ушах не располагал к пустой трате слов.

На меня же форма оказала ожидаемое действие: мышцы налились упругой силой, а от прежней ленивой апатии не осталось следа. Разогнавшись в три шага, я прыгнул на борт катера, не дожидаясь, когда Леся причалит. Подошвы штурмовых ботинок хорошо приспособлены к перемещениям по композитной броне океанских амфибий и по скользким палубам пиратских турбоходов, так что, несмотря на волнение, прыгнул я удачно. Но, может, дело было не только

в ботинках, возможно, океан в этот день не был склонен подставлять мне подножку. Казалось, что он был рад нашей встрече не меньше меня. Оно и понятно, ведь он был моим крестником.

Катер от избыточного веса ощутимо накренился, но Леся этого ожидала и, легко выровняв машину, дала мощный старт на форсаже, чтобы преодолеть полосу прибоя. Меня швырнуло прямехонько на боковое сиденье, но я сделал вид, будто того и хотел. Рев разогнанного прямоходного мотора на несколько мгновений меня оглушил, а соленая пена ударила в лицо мелкой дробью. Пронзив полосу прибоя, Леся отключила форсаж и почти усадила катер на воду, снизив мощность генераторов поля.

– Я и не знал, что ты так ловко управляешься с этой новомодной штуковиной, – произнес я, приходя в себя после Леськиных маневров.

Она не ответила, но видно было, что комплиментом довольна. Похоже, Леся простила мне переодевание в форму или для нее это перестало иметь то значение, какое имело в те дни, когда я переехал к ней в дом.

– Дашь порулить? – спросил я.

– Дам. Только давай отойдем подальше от берега, а то здесь могут быть рифы.

Я стиснул зубы, но промолчал. Показывать обиду было глупо, поскольку Леся обидеть меня не хотела, и я знал это. Но все-таки не так легко жить с подругой детства, когда само детство давно закончилось. Кем бы ты ни был, кем бы ни стал, для нее ты будешь малявкой, над которым она подтрунивала в том возрасте, когда девочки развиваются быстрее мальчишек. Того, что я год тренировался в учебке охотников, а потом больше года служил, она словно не замечала. В ней была какая-то не совсем, на мой взгляд, обоснованная уверенность в собственном превосходстве, а мой опыт казался ей экзотическим, сильно оторванным от решения каждодневных проблем. И в чем-то она была, безусловно, права, иначе я бы давно психанул и покинул остров.

Ну нырял я в жидкостном аппарате на три километра под воду, ну вел отбитый у пиратов корабль через бушующий ночной океан, что с того? С катером-то я действительно управлюсь хуже Леськи. Мои умения в обыденной жизни действительно оказались никому не нужны. Я ведь прекрасно понимал, почему меня не взяли работать на станцию по специальности, несмотря на внушительный опыт сверхглубинных погружений. Да просто потому, что в обычной работе нырять приходилось метров на тридцать, не больше, с обычным аппаратом воздушного или, в крайнем случае, газового типа. А на таких маленьких глубинах у меня не было преимущества перед теми же клубными дайверами, например. Если бы возникла проблема, требующая более основательного погружения, начальство станции вызвало бы охотников с надлежащей экипировкой, жидкостными аппаратами и системами навигации по спутникам. А мне надо было подумывать о получении мирной профессии, раз уж пришлось уйти со службы.

– Лесь... – позвал я.

– Да?

– Тебе правда тяжело далось мое трудоустройство?

– Правда. Начальство беспокоится за отношения в коллективе, когда станция уходит далеко в океан. Но сторож не совсем член коллектива. В общем мне удалось доказать им твою безопасность. К тому же официально ты инвалид, это облегчило мне задачу. Только зря ты надел форму. Если кто-то увидит на станции...

– У меня сегодня проводы теней прошлого, – объяснил я. – Сегодня я в последний раз надел все это и сегодня же утоплю мундир в океане. Океан дал мне его, пусть он и забирает обратно.

– Что значит дал?

– Ну... – мной овладел приступ откровенности. – У охотников есть поверье, что понастоящему в отряд может принять только стихия. Ты изучала Японию и Китай, так что поймешь, о чем я.

– Да. Только не думала, что подобная религиозная концепция могла сложиться у солдафонов.

– Солдафоны – это как раз те, кого не крестили стихии, – возразил я. – Меня ведь ты не считаешь таким?

– Тебя я знаю очень давно.

– Это не имеет значения. Если человек не подходит, стихия его не примет, и тогда он будет не служить, а работать охотником – то есть выполнять определенные обязанности за деньги. А те, кого крестили огонь, ветер, земля или океанская вода, те кучкуются вместе, чувствуя друг друга за милю. Они отличаются от всех остальных, как поток воздуха из кондиционера отличается от муссона. В нашей команде все были такими. Рипли была крещена водой, Чистюля – огнем, Молчунья – ветром. Помнишь ее?

– Конечно, – ответила Леся. – Глухонемая девчонка, жившая с отцом на острове. В детстве мы с ней были дружны. Как странно, что вы встретились через столько лет и так далеко от дома.

– Ничего странного. Ты тоже крещена стихией. Это главное, что нас связывает.

– Но я не охотник, – буркнула Леся.

– Однако ведь собиралась идти в учебку?

– Меня манил океан. Ветер. Свобода. Я все это получила и без охоты.

– Вот видишь. Ты чем-то похожа на Молчунью, наверное, тебя тоже крестил ветер. Я заметил, что он не обдувает тебя, а ласкает.

– Бред, – она неуверенно пожала плечами. – Хотя что-то в твоих словах есть. А почему ты решил, что тебя крестил океан? Расскажешь?

– Сегодня я расскажу все, что ты пожелаешь узнать. Это будет ритуальное освобождение от воспоминаний.

– Интересно, – Леся сбавила скорость и откинулась на спинку кресла.

Катер перешел с режима глиссирования на обычный и закачался на усиливающихся волнах. Свист турбин сделался почти неслышным.

– Четыре года назад, по пути из учебки на базу, – начал я, – наша команда вступила в бой с пиратами в Средиземке. Был свирепый шторм, была ночь, и схватка вышла очень тяжелой. Пираты колотили с мачты из автоматического пулемета, а Молчунья отвечала из турельного ракетомета. Под ее прикрытием мы с Чистюлей высадились на палубу и били из легких гарпунных карабинов во все, что движется. В конце концов мы победили и заперли уцелевших пиратов в помещении камбуза. Однако шторм так разгулялся, что все вырубилось от жестокой морской болезни. Всех, включая нашего командира по кличке Жаб, просто выворачивало наизнанку. Даже Рипли, хотя она настоящая океанская волчица. Все слегли – все, кроме меня. У меня даже голова не кружилась. Курсовой автомат захваченного корабля не справлялся с управлением, судно, замаскированное под сухогруз, в любой момент могло переломиться надвое. И я стал к штурвалу. Я один был в состоянии это сделать, понимаешь? В ту буйную ночь океан принял меня в охотники. И только он может меня уволить из них, а не какие-то доктора.

Леся задумалась и вновь перевела катер на глиссирующий режим. Над водой идти было легче – не так качало.

Глава 2

Звери

Когда на горизонте замаячила ажурная мачта плавучей станции «Тапрабани», у меня уже не оставалось сомнений в правильности выбранной мною одежды и обуви. Шторм разгулялся, небо заволокло низкими серыми тучами, ветер срывал брызги с пенных барашек и швырял на нас с Лесей. Ее шелковая рубашка промокла и налипла на тело, а моя форма, пропитанная специальным составом, отталкивала воду не хуже гусиных перьев. На ветру Леська быстро озябла, и я отдал ей свою рубашку.

– А ты говорила, что не надо было переодеваться, – поддел я ее.

– Ладно, замнем, – буркнула она, натягивая рукава. – Хочешь повести катер?

– Хочу.

Пока Лесья передавала мне ручку управления, наше судно развернуло бортом по ветру и захлестнуло приличной волной. Я чуть не взвизгнул – с голым торсом не очень приятно, когда тебя окатывает брызгами на ветру. Зато Лесе в моей форменной рубашке было теперь хорошо.

Я поудобнее устроился в пилотском кресле и, дав с места самый полный вперед, вывел катер на режим глиссирования. Генераторы поля подняли его сантиметров на сорок над водой, турбины взвыли, источая жар.

– Ух! – выдохнул я, довольный разгоном. – Получше нашей старой машинки!

– Что?

– Хороший катер, говорю!

Лесья кивнула. Можно было сказать ей то же самое на языке жестов, которым охотники общаются в глубине, поскольку она еще в детстве научилась ему у Молчуньи. Но я предпочел повысить голос, чтобы перекричать турбины. Лесья ведь не была охотником, а то, что она знала Язык – случайность.

Вместо того, чтобы направить катер к платформе «Тапрабани» по кратчайшей траектории, я вывел его на широкую дугу – хотел насладиться скоростью и контролем над машиной. Набегающий поток воздуха выдул из меня остатки дурных предчувствий, наполнил ни с чем не сравнимым восторгом единения со стихией. Мне вдруг стало совершенно ясно, что океан не позволит мне уйти из охотников, что я навсегда останусь одним из них, хоть и списанным по здоровью. Постепенно все привыкнут к тому, что я буду заступать на дежурство по «Тапрабани» в форме, а может, если повезет, мне и прозвище на станции дадут соответствующее – Охотник.

Турбины свистели, как сотня сверкающих гарпунов, выпущенных очередью из скорострельной пушки, волны бессильно пытались лизнуть днище катера, но я от них уходил.

– Ты тоже хорошо водишь! – крикнула мне на ухо Лесья.

Еще бы! Чего она ожидала от человека, который специально учился морскому делу, а затем вел огромный сухогруз в самое сердце бури? Катер же был удивительно легок в управлении, как и положено дорогой гражданской машине. И хотя прямоточный привод был для меня внове, но я быстро к нему привык. Погоняв катер как следует, я пустил его по прямой к «Тапрабани». В сумерках шторма станция выделялась яркими габаритными огнями.

– С причаливанием что-нибудь изменилось? – спросил я, понижая обороты турбин.

– Нет. Оставили стандартный элинг, только сделали ворота побольше, – ответила Лесья. – Подойдешь ближе, увидишь.

Сбросив ход до среднего, пришлось отключить генераторы глиссирующего экрана – они не справлялись с нагрузкой без поддержки подъемной силы корпуса и спойлеров. Катер с гулким ударом опустился на воду и волны взялись за него как следует.

– Включи водометы! – посоветовала Леся.

У меня дух захватило – отвык я от океанской качки.

– Где они включаются? – с приборами у меня не было времени разобраться.

– Дай я сама.

Мне пришлось уступить ей место. Устроившись в пилотском кресле, Леся запустила поршневой мотор и, борясь с качкой, на водометах подошла к громаде плавучей станции. Вход в эллинг обозначался светящейся бегущей стрелой, ее и впрямь было хорошо видно. Плюс светоотражающие оранжевые клинья по краю внушительных ворот в борту станции. Через такой проход можно загнать внутрь не только катер, но и довольно большое исследовательское судно или даже древний эсминец, какие бороздили океаны сто лет назад во время войны.

Впустив нас, ворота задвинулись, отгородив внутреннюю акваторию эллинга от бушующих океанских волн. Приветливо вспыхнули прожектора, озарив металл переборок и проявив на черной глади воды отражения погрузочных устройств. У пирса в замках швартовых узлов стояли три катера – два штатных аварийных и один совсем старый, частный, всего с одной кормовой турбиной и без намека на систему глиссирования. Я решил, что это катер Бена, которого я должен сменить.

С последнего моего посещения «Тапрабани», полгода назад, здесь многое изменилось. По крайней мере, эллинг тогда был раз в десять меньше, или мы зашли не в те ворота, что в прошлый раз.

– Тут стало просторнее, – сказал я, разбудив дремавшее эхо.

– Да. Станцию нередко переделывают под новые нужды, – кивнула Леся.

Она приткнула катер к швартовому узлу и опустила замки. Внушительный объем эллинга усиливал каждый звук и подолгу держал его в воздухе. Я подхватил рюкзак, и выбрался на шершавую поверхность пирса, дожидаясь, когда Леся меня догонит. Она скинула рубашку и вернула мне.

– Я техническую куртку возьму. Спасибо.

Их яркая рабочая одежда по техническим характеристикам была не хуже формы охотников, но не было в ней сурового боевого духа, так что менять на нее свою темно-синюю я бы не стал.

Поднявшись из эллинга, мы в первую очередь заглянули в жилой блок, где Леська переоделась в технику.

– Оставь здесь рюкзак, чтобы не таскаться с ним. Я когда буду уезжать, заберешь его к себе в каморку.

– Что за каморка?

– Наблюдательная станция. Твое официальное рабочее место. Там неплохо все оборудовано – охранные мониторы, связь, хорошая персоналка с коммутацией через спутник. Тесновато, правда, но имеется закуток для отдыха. Только в светлое время суток не спать, ладно? Ночью – пожалуйста, после того, как включишь охранную систему. А днем нельзя. Сегодня и завтра тут никого не будет, но если начальство застучает тебя за нарушением инструкций, тебя уволят, а я почувствую себя неловко, сам понимаешь.

– Да что я, маленький?

– Не дуйся. Должна же я хоть вкратце рассказать тебе об обязанностях! Пойдем, познакомлю тебя с Тошкой и Лидочкой, а потом проведу в рубку поста наблюдения.

Лестниц и переходов на «Тапрабани» было так много, что и заплутать немудрено. Если бы не флюоресцирующие номера на углах, я бы не рискнул бродить тут без Леси. Мы миновали широкую платформу, нависающую вдоль стены на пятнадцатиметровой высоте, и спустились к воде в противоположном конце эллинга, огражденном от основной акватории композитными переборками. Мы еще не достигли последних ступеней трапа, когда я расслышал громкий свист и дельфины шелканье.

– Это Тошка Правый, – прислушалась Леся.

– Что, есть еще и Левый? – удивился я.

– Ты разве не знаешь, что дельфины все время спят одной половиной мозга? То левое полушарие бодрствует, то правое. Так они и живут. Полностью спать им нельзя – захлебнутся и утонут.

– И что, у полушарий личности различаются?

– Не сильно, но я всегда могу узнать, с каким Тошкой говорю – с Левым или Правым. Лидочка более цельная, у нее не поймешь, какая половина мозга спит, а какая бодрствует. Лет сто назад о частичных несовпадениях личности правого и левого полушарий никто не знал, поскольку в личность дельфинов никто из ученых не верил.

– А ты что, без коммутатора их язык понимаешь?

– Ну, не то чтобы посимвольно, но настроение уловить могу. А вот Ван научился различать некоторые слова. В китайском языке смысл фразы зависит от тона гласных звуков, так что у китайцев слух вырабатывается особый. Но и без всякого коммутатора я могу об заклад биться, что Тоша с Лидочкой сейчас обсуждают незнакомца в форме охотника. Они очень чувствительны к малозаметным проявлениям симпатии, поэтому знают, что мы с тобой не чужие. Меня они знают давно, а тебя видят впервые. Им любопытно.

– Значит, они уже видели охотников? – это вызвало у меня удивление.

– Тошка много чего видел за свою жизнь. Вообще вам будет о чем поговорить, я уверена. Например, недавно он повстречал в океане сумасшедшую торпеду. Она приняла его за охотника или какую-то другую цель и гонялась за ним минут сорок, пока не выработала запас глюкозы и не отстала.

– Первый раз слышу, чтобы торпеды нападали на жителей океана, – сказал я, вспомнив странный сегодняшний сон.

Однако Тошкин опыт меня заинтересовал, так что я твердо решил освоить коммутатор и расспросить дельфина. Я не забыл, как во время учебного погружения на километровую глубину на меня напала скоростная торпеда класса «Барракуда». Вот уж натерпелся я тогда страху!

Мы соскочили с трапа, и я увидел в смоляной воде двух глядящих на нас дельфинов.

– Тошка справа, – подсказала мне Леся. – Но Лидочка не менее интересна в беседе, потом сам убедишься. А пока я должна тебя представить. Заодно посмотришь, как работает коммутатор.

Вообще-то в учебке мне приходилось видеть вычислитель, предназначенный для перевода дельфиньих щелчков и свистов в человеческую речь, но на учениях мы с морскими звеньями не взаимодействовали, так что применить его на практике у меня не было возможности. Для Леси же это была основная работа, так что она знала, как с ним обращаться. Подойдя к проклепанной металлической колонне на краю вольеры, Леся вставила кодовую карточку в щель на щитке и открыла дверцу, за которой располагался пульт коммутатора. Вслух просчитав до трех и обратно, она подстроила вычислитель к особенностям своей речи и сказала:

– Привет. Это мой близкий друг. Его зовут Роман.

В ответ Тошка длинно присвистнул и разразился трелью коротких щелчков.

– Насколько близкий? – перевел его вопрос синтезатор.

Голос у прибора был откровенно искусственным, без возможности передавать хоть какие-то оттенки эмоций, но уж к этому я за время службы успел привыкнуть, поскольку наша водительница была глухонемой. Когда была возможность, мы общались с ней жестами Языка Охотников, но в бою она частенько пользовалась бортовым вычислителем амфибии, который переводил ее жесты в синтезированную речь, чтобы мы слышали ее в гарнитурах. Для этого у Молчуньи была перчатка, наподобие тех, какие входят в комплекты аппаратов жидкостного

дыхания для общения в глубине. А для нее вычислитель переводил наши жесты в текст на экране.

– Очень близкий, – улыбнувшись, ответила Леся.

Тошка нырнул, затем высунул морду из воды и шумно выдохнул.

– Вы с ним сношаетесь, как мы с Лидой? – прощелкал он.

– Да.

– Значит, ему можно доверять?

Подобная логика меня поразила, к тому же тема показалась мне чересчур щекотливой. Похоже, дельфины руководствовались совершенно другой этикой, нежели мы. Об этом я тоже решил побеседовать с Тошкой, когда представится случай. Только без Леси. Хотя это совсем уж глупо – ближе чем она у меня никого не было. Маму я мог считать близким человеком только в далеком детстве, но не после ухода на службу.

– Тоша, – с серьезным видом ответила Леся, – ему можно доверять, как мне. Когда ты узнаешь его получше, сам это поймешь.

– Но на нем форма охотника, – синтезатор изменил тембр голоса, и я понял, что теперь он переводит шелкающие трели Лидочки.

– Разве ты знаешь что-то плохое об охотниках? – спросила Леся.

– Нет, – ответила Лидочка. – Но охотники ныряют намного глубже, чем мы. Я не понимаю людей, которые проводят часть жизни за границами смерти.

Мне показалось, что вычислитель выдает не совсем адекватный перевод. Вряд ли он был приспособлен для ведения философских диспутов между дельфином и человеком.

– Пусть он скажет нам что-нибудь, – попросил Тоша.

– Скажи им, – повернулась ко мне Леся. – Они действительно так знакомятся. Только не говори «привет», а что-нибудь, о чем ты на самом деле думаешь. Они вообще не принимают лжи. Просто не понимают в ней смысла, хотя знают, что люди умеют врать. И любую фальшь они очень остро чувствуют.

Я шагнул к пульту коммутатора и произнес первое, что пришло мне в голову:

– С берега океан похож на зверя, заключенного в клетку.

Леся удивленно подняла брови, а Тошка с Лидочкой замолчали.

– Снаружи шторм, – первым нарушил молчание Тоша. – Ты выпустишь нас?

Я понял, что он обратился не ко мне, а к Лесе. Меня он просто проигнорировал.

– Да, я для этого и приехала, – ответила она, ненавязчиво оттеснив меня от пульта. – Хотите уйти прямо сейчас?

– Да. Вернемся, когда кончится шторм. Роман будет работать на станции?

– Да. Я открою вам нижний люк, чтобы вы могли войти в вольеру, когда угодно.

Леся нажала на пульте несколько кнопок и я ощутил ногами вибрацию приведенных в действие механизмов. Тошка с Лидочкой нырнули и, промелькнув серыми силуэтами, скрылись из виду в смоляной глубине.

– Кажется, мне устроят приличную взбучку, – вздохнула Леся, направляясь к трапу.

– За что? – насторожился я.

– Тоша с Лидочкой могут уйти навсегда. И мне придется объяснить, почему это произошло.

– Погоди. Я их что, чем-то обидел?

– Не знаю. Честно говоря, ни один специалист по психологии не может уверенно заявить, что творится в голове у дельфинов. А уж на что они могут обидеться, вообще никому не известно. Обычно они отвечают, когда знакомятся. А тут сразу попросились уйти. К тому же предварительно поинтересовались, будешь ли ты работать на станции.

– Только заступил, уже напортачил, – вздохнул я, поднимаясь вслед за Лесей по трапу.

– Не факт. Но тебе следовало сказать им что-то, не относящееся к их среде обитания.

– Ты же сама попросила меня не лгать. У меня сегодня все мысли связаны с океаном.

– Их это могло удивить. А дельфины чаще всего боятся того, чего не понимают. Их естественная жизнь весьма незатейлива. Ловля рыбы, игры, любовь.

– Но ведь они обладают вполне развитым разумом.

– Если сравнивать с человеком, то интеллект взрослого дельфина примерно равен интеллекту десятилетнего ребенка. Представь себе ребенка, который живет самостоятельной жизнью, добывает пропитание и занимается сексом.

– Забавно.

– Не знаю, что тут забавного. Некоторые ученые считают, что разум дельфинов возник как побочный эффект развития эхолокационных способностей. Для просчета подобной информации требуется развитый мозг, а дельфинам нужен еще более развитый, поскольку живут они только одним полушарием. Так что их разветвленные извилины развивались в первую очередь как математический аппарат и лишь потом в них затеплилось абстрактное мышление и воображение. Но я не сторонник этой теории, если честно.

– А какая теория на этот счет у тебя?

– Я склонна верить их собственным легендам.

– У дельфинов есть легенды?

– Конечно. Разве у десятилетних детей нет легенд?

Я вспомнил, как мы с Вовкой, забравшись ночью в эллинг его отца, пугали друг друга всевозможными страшилками. Почему-то взрослые потом забывают, на основе чего эти страшилки придумываются, но я помнил это прекрасно.

– Корни всех страшных детских историй кроются в подслушанных разговорах, – поделился я с Лесей. – Взрослые говорят о повседневных взрослых вещах, думая, что дети спят. А они не спят, а засыпают, находясь в пограничном состоянии между сном и бодрствованием, когда в соседней комнате говорят о гинекологии, катастрофах, авариях на производстве, о преступлениях, обманах, сексе и прочем, что обходит детей стороной. Многих слов дети не знают, поэтому подменяют их смысл звучанием. В результате кровельное железо превращается в кровавое, а обычный анализ крови на медосмотре в акт жуткого вампиризма. Может, и с дельфинами так же, раз они похожи психикой на детей? Может, их легенды являются отголоском того, что мы, люди, делаем в океане?

– Отчасти это так. Но большинство их преданий, самые древние, не вписываются в эти рамки. Ведь дельфины обзавелись разумом намного раньше, чем наши предки слезли с деревьев и лишились хвостов.

Я призадумался. Мне никогда не приходилось сталкиваться с дельфинами так близко, чтобы задумываться о таких вещах, как их легендаристика и мифология, однако теперь эта тема показалась мне в высшей степени интересной.

«У них ведь и религия могла сформироваться, – подумал я, выходя в коридор вслед за Лесей. – По крайней мере, примитивная. Надо будет почитать об этом, чтобы иметь хоть малейшее представление».

Как и было обещано, мы поднялись в рубку поста наблюдения. Заслышав наши шаги по трапу, дверь открыл пожилой мужчина, одетый в технический комбинезон.

– Привет, Бен! – поздоровалась с ним Леся. – Знакомься, это Рома, твой новый сменщик.

– Здравствуйте, – я счел уместным едва заметно поклониться.

– Привет, – буркнул старый Бен.

Брови у него были такими густыми, что взгляд казался тяжелым и подозрительным.

– Я ему все покажу, – Леся незаметно подтолкнула меня к порогу. – А вы езжайте домой.

Шагнув к Бену ближе, я уловил исходящий от него запах спиртовых испарений. В общем понятно было, что меня сюда не просто так взяли, а решили хоть на время удалить со станции старого пропойцу. Видимо, молодой инвалид-охотник не так беспокоил начальство.

Бен прокряхтел что-то невразумительное, забрал обшарпанную сумку и удалился, загрохотав ботинками по трапу.

– Не очень приятный тип, – признался я, когда шаги сторожа стихли.

– Звери его тоже не любят. В последнее время Бен совсем опустил, так что ему активно ищут замену. Но в здешних краях мало желающих работать на станции сторожем. Бен тут жил почти безвылазно два года. Честно говоря, не думаю, что вы с ним наладите отношения.

– Да я не очень-то и стремлюсь.

Оборудование сторожевой рубки показалось мне незатейливым, но вполне современным – электронный бинокль на станине, похожий на те, какими мы пользовались на охоте, два монитора для наблюдения, блок связи, навигационный блок, персональный компьютер и легкий кухонный модуль.

– А оружия нет? – спросил я в шутку.

– Есть, – ответила Леся, здорово этим меня удивив.

В общем-то я представлял свои обязанности некой формальностью. Ну, вроде как сложилось, что люди не оставляют собственность без присмотра. Особенно в океане. Что же касается реальных опасностей, то, даже хорошенько пофантазировав, трудно было их вообразить. Несмотря на то, что мы находились в Индийском океане, пиратов вблизи берегов не было благодаря нескольким успешным операциям охотников. За последний год они здорово проредили пиратские флотилии, так же как чуть раньше проредили численность скрывающихся в глубине биотехов. Так что теперь встретить в глубине одичавшую торпеду, оставшуюся с последней войны, было практически невозможно.

– И что это за оружие? – заинтересовался я.

– Автоматическая коротковолновая пушка, – неохотно ответила Леся.

– Н-да... У вас это называют оружием? Это же скорее пугач!

– А тебе обязательно нужен ракетомет?

– Нет. Просто ты с такой серьезностью назвала «грелку» оружием...

Коротковолновой пушки в общем-то достаточно для того, чтобы отогнать непрошенных гостей на приличное расстояние, но не более того. Хотя на пределе мощности пучок электромагнитного излучения теоретически может вызывать опасные для жизни ожоги, но все же такое оружие принято относить к разряду несмертельного. Так же как ультразвуковые орудия, например.

– Не думаю, что тебе придется ее применять, – закрыла тему Леся. – Хотя код управления я тебе дать обязана. Он на карточке обзорного монитора.

– Ладно. Вообще, тут хорошо. Высоко, вид превосходный и океан кругом.

– Я рада, что тебе понравилось. Но мне надо ехать.

– Жаль.

– Я завтра к тебе обязательно заскочу.

Мы спустились в каюту, где я забрал рюкзак с провизией, после чего мне осталось лишь проводить Лесю до катера.

– Не знаю, оставлять тебе код для запуска коммутатора или нет, – она задумчиво повертела в пальцах пластиковую карточку. – Звери как-то неадекватно на тебя отреагировали.

– Как хочешь, – пожал я плечами, стараясь не показать обиду.

– Не дуйся. Я за ними понаблюдаю, а потом повторим знакомство. Ты должен понять, что если звери уйдут в океан, мне вставят фитиль вот такого диаметра. – Леся развела пальцы так широко, что у меня невольно свело ягодицы.

Она поцеловала меня, запрыгнула в катер, подняла швартовые замки и помахала рукой, пока открывались ворота эллинга. Я вздохнул и поплелся к трапу, втайне боясь без нее заблудиться, хоть и хорошо запомнил дорогу наверх. Но не успел я подняться и до середины, как услышал короткий свист и щелчки. Обернувшись, я увидел Тошку и Лидочку в темной воде.

К этому времени Леся выгнала катер в океан и врубила турбины, а ворота эллинга начали закрываться.

Передо мной встал выбор – то ли проигнорировать появление дельфинов и спокойно подняться к себе в сторожевую рубку, то ли рискнуть и попробовать установить с ними контакт. Второе представлялось мне довольно глупым, поскольку кодовой карточки от коммутатора у меня все равно не было. И все же, когда створки ворот окончательно сомкнулись, я решил спуститься. Тошка обрадовано защелкал и закивал головой, а Лидочка легла на бок и поглядывала на меня, шевеля ластом.

– У меня нет карточки, – я развел руками, стараясь говорить по слогам, как с иностранцем, который плохо знает язык.

Тошка снова защелкал.

Я шагнул к коммутатору и продемонстрировал, что мне нечего сунуть в приемную щель. Тошка замолчал и попытался различить подслеповатыми глазами, что я такое делаю. Ему это давалось с огромным трудом, я чувствовал его состояние. Пришлось повторить движение несколько раз. Тошка так кивнул, что меня окатило брызгами, потом разразился возбужденной трелью. Я не мог понять, чего он от меня добивается.

Лидочка нырнула и несколько раз ударила по воде хвостом, снова окатив меня брызгами.

«Злятся они, что ли?» – с раздражением подумал я.

Дельфины начали перещелкиваться между собой, потом нырнули и поплавали кругами. Я следил за ними, подозревая, что звери хотят подать мне какой-то знак, но не могут решить, как это сделать. Затем они вынырнули, и Тошка снова защелкал, повернув ко мне морду. И вдруг, скорее на подсознании, чем умом, я различил в его свисте знакомую мелодию. Правда мелодия эта звучала словно проигранная с утроенной скоростью от той, к которой я привык.

– Ти-та-ти-та-ти, – повторил Тошка. – Ти-та-ти-та-ти.

Это была учебная фраза с уроков телеграфного дела, которые входили в курс истории мореплавания. Телеграфный код. Две буквы – «А» и «Р», переданные условной азбукой, состоящей из точек и тире. Каждой букве соответствовала короткая песенка, начинающаяся на нее и соответствующая ритму писка. Ти-та. Точка и тире – буква А. Чтобы легче ее отличать, на букву «А» напевают слово «ар-ба». Ти-та-ти – точка, тире, точка. Буква «Р». И песенка для этой буквы – ры-ба-чит. Что-то вроде Языка Охотников, только для радиосвязи. Так, вроде бы, общались древние мореходы, находясь в океане на разных кораблях. Почему-то в древности радиопередатчики не могли передавать голос – что-то не то там было с длинами волн или с цифровой кодировкой. Нас по этой азбуке активно натаскивали в учебке, хотя никто не понимал, кому и зачем это нужно. И вот же – пригодилось.

Я закивал, замахал руками, показывая Тошке, что понял его сигнал. Другое дело – откуда дельфину знать телеграфный код? Но это можно было выяснить чуть позже. Мне пришлось порыться в памяти, чтобы вспомнить песенки для всех букв, какие мне были нужны. Справившись с этой задачей, я пропищал, используя звуки «ти» для точки и «та» для тире, чтобы Тошка говорил помедленнее. Он меня понял и быстро запищал, защелкал, обращаясь к Лидочке. Она ему ответила. В общем контакт между нами был установлен.

Однако говорить с Тошкой таким образом оказалось настоящим мучением. Он спешил, путал значения слов, так что мне приходилось больше половины додумывать самому, и я не был уверен в том, что правильно это делаю. Примерно через полчаса наконец выяснилось, что именно дельфин от меня хотел. Речь шла о кодовой карточке для коммутатора, которую мне предлагалось искать в «темном пространстве, где спит плохо сидящий открыто». Сколько я ни пытался у Тошки вывести, что это могло означать, уточнения мне добиться не удалось. Я уже совсем отчаялся, когда догадался немного раскинуть мозгами. В принципе, никакой лишней карточки быть не могло, если только она не была когда-то утеряна, а потом спрятана. Утеряна – ладно, всякое бывает. Найдена кем-нибудь – тоже возможно. Но тогда бы ее сдали! Нашли бы

и передали начальству для использования или уничтожения. Кому она нужна, лишняя? Ведь любой член экипажа «Тапрабани» имел свою карточку, кому положено, а кому не положено, все равно бы не смог при всех ей воспользоваться.

И тут меня осенило. Вот если бы у меня была лишняя карточка, я бы ей воспользовался. Почему? Потому что я был на станции один и меня бы никто не поймал за этим. Очень все просто. И если бы я нашел карточку, я бы ее не сдал. А в таком положении, как я, находился на станции всего один человек – старый Бен. Он часто оставался здесь в одиночестве и, найдя карточку, мог запросто ей воспользоваться. Другое дело, что у меня в голове не укладывалось, зачем пропойце Бену могло понадобиться беседовать с дельфинами. Хотя... От скуки люди иногда говорят сами с собой. От одиночества тоже. А с дельфинами уж точно лучше.

Я живо представил, как старый Бен сидит на краю вольеры с бутылкой джина, отпивает из горлышка и пьяно спорит о чем-то с Тошкой. Если бы Леся об этом узнала, ей бы сделалось дурно. Хорошо еще, если он их джином не угощал. Хотя пьяный дельфин, у которого и у трезвого одно полушарие в трубе, мог быть достойным зрелищем.

Однако мне следовало не об этом думать, а о том, чем на самом деле могло оказаться «темное пространство». Скорее всего место, куда Бен удалялся, окончательно осоловел от выпитого. Допустим, он не хотел плутать в таком состоянии по коридорам и лестницам станции, вскарабкиваясь в сторожевую рубку. Тогда он мог присмотреть себе убежище поближе. Возможно, это какая-то подсобка или что-то вроде того. В любом случае находиться она должна была рядом с вольерой, иначе откуда Тошке знать, что пространство темное?

Мне пришлось в голову спросить направление у дельфина, и я звуками «ти» и «та» объяснил, чего хочу. Тошка радостно закивал и ткнул мордой в сторону противоположного края вольеры. Интересно, как Бен попадал туда без лодки? Неужели вплавь? Нет, это вряд ли, в пьяном-то виде. По решетке же туда вообще не перелезть – ячейки слишком маленькие, чтобы в них можно было просунуть ногу. Катер в вольеру вообще не загнать – мешает решетка.

Хорошенько подумав, я заподозрил, что вообще не правильно понял дельфина. В глухой противоположной стене не должно было быть никакого помещения. Зачем нужно место, куда не добраться? Хотя... Бывают ведь технологические ниши, которые используют ремонтники при наличии специального оборудования. Кроме того, если эллинг время от времени перестраивали и расширяли, то в переборках могли остаться рудименты каких-то, ставших ненужными, помещений. Вот это, похоже, в точку.

И тут я понял, как Бен перебирался на ту сторону! На эту мысль меня навело слово «рудимент». Спасательные средства! По всем инструкциям их положено держать на любом судне или плавучей базе, пусть даже жестко заякоренной. Сейчас это скорее традиция, поскольку надежность станции многократно превышала любые допуски безопасности. Рудимент.

Я осмотрел переборку в районе пирса и без труда нашел нишу, в которой покоились два почти новых спасательных костюма, древняя надувная лодка и даже оранжевый пенопластовый круг с надписью «Тапрабани». Вытащив за ручки титановый куб лодки, я донес его до вольеры и бросил в воду. По реакции дельфинов сразу стало ясно, что я на верном пути. Куб секунду полежал на поверхности, вбирая воду, затем лопнул по граням, выпустив титановые стрелы каркаса, которые тут же обросли прочным эластидом корпуса. С шипением лодка надулась полученным из воды водородом и закачалась, готовая меня принять. Дельфины резвились и выпрыгивали из воды.

Я соскользнул на борт спасательного суденышка, которое было настолько легким, что едва не выскочило из под меня. Поршневого мотора в нем, похоже, не было, а разбираться с довоенным газовым приводом было лень, так что я решил без затей подгрести руками, благо вольера была менее полусотни метров в ширину. Только я начал черпать воду ладонью, Тошка и Лидочка взялись подталкивать лодку носами, что добавило мне скорости.

Достигнув противоположного края, я ухватился за кромку переборки, подтянулся и выбрался из лодки. Палуба здесь была не ровной, а имела два углубления, одно из которых действительно уводило в темное технологическое помещение. Тошка высоко выпрыгнул из воды, перевернулся в воздухе и плюхнулся обратно, окатив меня фонтаном брызг.

– Вот, барракуда! – мне эти фокусы уже надоели.

Протиснувшись в нишу, я нашел там то, что и ожидал – старый спальный мешок и плохонький компакт, никуда не подключенный, в силу отсутствия коммутационных гнезд, а потому пригодный лишь для просмотра записанных фильмов. Мне вдруг стало интересно, что мог смотреть старый Бен, залившись до бровей джином. Осторожно раскрыв машинку, я дождался загрузки и осмотрел пункты меню. Названия фильмов красноречиво говорили, что записи Бена представляли собой вестерны самых разных времен создания, причем большинство, судя по иконкам, были еще двумерными. Я усмехнулся.

Кодовая карточка от коммутатора валялась рядом с компактом. Я сунул ее в карман, закрыл машинку и выбрался из ниши. Лодка уже успела отплыть на середину вольеры, но дельфины сами догадались подтолкнуть ее к переборке. Мне оставалось лишь запрыгнуть на борт и перебраться к другому берегу. Там я вытащил посудину из воды и повернул ключ сборки. Лодка с шипением выпустила водород и сложилась обратно в куб, оставив на палубе темную лужу. Я оттащил его на место.

– Сейчас узнаем, чего ты хотел, – подмигнул я Тошке, вставляя карточку в коммутатор.

– Ты охотник? – напрямую спросил дельфин, когда устройство заработало.

– Бывший. Я был охотником, а потом пострадал в глубине и не смог больше нырять, – мне приходилось подбирать самые простые, на мой взгляд, слова, как все делают, когда говорят с детьми.

– Ты заболел? Был ранен?

– Был ранен. Слишком быстро всплыл. Людям от этого плохо.

– Даже охотникам? Охотники могут всплывать откуда угодно, я видел.

– Мой скафандр погиб и не мог дышать за меня. Пришлось подключать баллоны, как в простых аппаратах. А с ними глубоко не нырнешь и быстро не всплывешь.

– Я знаю, – просвистел Тошка. – Но ты в форме.

– Без погон, – я наклонился, чтобы он мог разглядеть подслеповатыми глазами. – Мне нравится в ней ходить.

– Погоны важны?

– Не знаю. Да, наверно, как и форма.

– Значит, охотник – это только одежда? – вступила в разговор Лидочка. – На кого одень, тот и будет?

– Нет!

– Как тогда? – это снова Тошка. – Что отличает охотника от других людей?

– Ты сказал, что океан с берега похож на зверя в клетке, – просвистела Лидочка. – Люди держат зверей в неволе?

Этот вопрос поставил меня в тупик, но я понял, что именно ради него дельфины затеяли кутерьму с поиском карточки для коммутатора. Не ради формы, форма была лишь предлогом. Они хотели знать. Им было важно. Но что я мог им ответить? Вспомнились Лесины слова о том, что дельфинам лучше не врать, что они очень чувствительны к правде и ощущают ее не на языковом, а на каком-то другом, невербальном уровне. К тому же меня удивило, что ни Тошка, ни Лидочка не знают о зоопарках и научных лабораториях. Похоже, им таких вещей попросту не рассказывали, а самим узнать негде. Может, все бы обошлось, если бы не мое сравнение. Стало ясно, что первый день работы на новом месте начался не очень удачно. Надо было как-то выкручиваться.

– Люди держат в клетках только опасных зверей, – нагло соврал я.

– Зачем? – спросил Тошка.

Действительно, зачем? Для красоты? Для изучения? Чушь. Так мы тешим свой комплекс неполноценности, глядя на когтистых и зубастых, когда они за стальными прутьями ничего нам не могут сделать. Мы можем поймать их и засадить, мы научились этому за тысячелетия нашей личной, не биологической эволюции. А они теперь у нас спрашивают «зачем».

И вдруг мне стало наплевать на дельфины комплексы, затронуть которые так боялась Леся и другие биологи. Неужели это дельфиний мир, а мы за каждый шаг в нем обязаны оправдываться? Захотят, пусть уходят. Я был готов даже к тому, что меня за эту беседу уволят.

– Это месть, – жестко ответил я, хотя знал, что коммутатор не передаст эмоции. – В древности мы были добычей диких зверей, а теперь держим их в клетках, чтобы наши дети могли тыкать в них пальцами и обсуждать, какие у них усы и огромные зубы.

Дельфины переглянулись и синхронно нырнули, быстро скрывшись в глубине. Я усмехнулся и хотел вынуть карточку из коммутатора, но, к моему удивлению, Лидочка вынырнула и свистнула у меня за спиной.

– Охотник, – донесся синтетический голос из аппарата.

Я обернулся. В этот момент Тошка тоже вынырнул, лег на бок и беззаботно помахал ластом.

– Может, и рыба когда-нибудь сможет посадить нас в клетку? – прощелкал он. – Вы, люди, совсем другие, не такие, как все. Вы другие, но боитесь того, что не похожи на нас.

– Не боимся, – я присел на край вольеры. – Нам иногда стыдно, что мы такие. К тому же люди все разные. Как и дельфины, наверное. Леся никогда не будет держать кого-нибудь в клетке.

– А ты? – спросила Лидочка. – Ты охотник, ты убивал.

– Я убивал искусственных тварей и людей, которые вели себя не лучше торпед.

– А кто лучше? – это Тошка.

Мне показалось, что они надо мной издеваются.

– Никто не лучше, – ответил я, поднимаясь на ноги. – Вы жрете рыбу, даже когда она идет на нерест. Потому что вам просто хочется есть. А нам тоже хочется есть, поэтому мы убиваем других людей и животных. Разве не честно?

– Вы их едите? – уточнила Лидочка.

– Нет. Ну и что с того? Они едят нашу пищу, мы убиваем их и отбираем еду себе.

– Мы от тебя узнали о людях много нового, – заметил Тошка, переворачиваясь на другой бок и попыхивая единственной ноздрей на голове. – Вы не любите говорить об этом?

– Да. Я же сказал, нам за это бывает стыдно. А вам?

– За рыбу? – спросил Тошка. – За вкусную жирную рыбу? Нет. Мы ее просто едим. Стыдно будет, если я отберу рыбу у того, кто слабее.

– И часто ты ее отбираешь? – ошарашено спросил я.

– Всегда, когда получается, – ответил Тошка. – Отберу, потом стыдно.

Он нырнул, а Лидочка коротко свистнула и сделала круг по вольере. Подплыв ко мне снова, она прощелкала:

– Вы внушили себе, что очень сильные, а потому вам стыдно. Но вы стесняетесь того, чего нет.

– Не понимаю, – насторожился я.

– Тошка заберет у кого-нибудь рыбу, а потом обязательно найдется кто-то, кто заберет рыбу у него. Не бывает никакой силы. Любая сила – это иллюзия. Сегодня вы держите кого-то в клетках, а завтра в клетку посадят вас.

– Уже много тысяч лет никто, кроме нас самих, не может сажать нас в клетки! – ответил я, совершенно не понимая, к чему клонит Лидочка.

– Время не имеет значения. Обязательно появится кто-то, кто посадит вас в клетку. Он будет говорить, а вы будете делать. Это будет новая ступенька. Выше вас. А мы останемся есть вкусную жирную рыбу.

Она нырнула и скрылась в темной воде. Подождав минут пять, я вынул карту из коммутатора, сунул в карман и вернулся в сторожевую рубку.

Там, за акриловой броней окон, начиналась настоящая буря. Небо налилось не то что свинцом, а почти чернотой, вдали полыхали продолжительные, как сполохи плазменной сварки, зарницы, волны с разбегу били в незыблемые борта «Тапрабани», выстреливая брызгами метров на десять вверх. Если бы не рифы, сбивающие силу океанских валов, вода во время подобных штормов докатывалась бы до порога нашего дома.

Я любил такую погоду. От ощущения близости неукротимой стихии кровь сильнее разгонялась в жилах, все мое существо охватывала дикая, первобытная эйфория. Если бы не было окон, то руку протяни, и там смерть. А так сторожевая башня выдержит хоть сколько прямых попаданий молнии, я от всей души надеялся, что хоть одна на этот раз обязательно шархнет в станцию – уж очень хотелось увидеть ее вблизи.

И тут я окончательно понял, зачем люди сажают хищников в клетку. Да не хищников они сажают, а собственную смерть! Вот в чем дело. Голые, без когтей и клыков, почти не приспособленные к жизни в дикой природе, люди все-таки выжили, но смерть так долго ходила за ними по пятам, что они без нее не могут. Смерть для нас стала частью жизни, мы хотим все время видеть ее поблизости, но в клетке, в клетке, чтобы не вырвалась на свободу. Отсюда любовь к приключениям, к прыжкам с гравилетов, к свехскоростным гонкам и погружениям на немыслимые глубины. Но мы стараемся сделать это все как можно более безопасным. Там же, где опасность становится реальной, место уже не всем.

– Барракуда меня дерит! – выругался я, сжимая кулаки.

Толкнув тяжелую дверь, я кубарем скатился по трапу и выскочил в коридор, ведущий к задраенному внешнему люку. Преодолев два десятка шагов, я вцепился в запоры и сдвинул их в сторону. Тут же меня ветром чуть с ног не сбilo, ледяная пена вихрем завертелась перед лицом. На такое приветствие океана я не мог не ответить. Согнувшись, чтобы легче держать равновесие на ветру, я выбрался на палубу, хватаясь за все прочное, что подворачивалось под руку. Черные низкие тучи стремительно летели над головой, сполохи зарниц приближались, вызывая во мне смесь первобытного ужаса и восторга. Теперь у меня был ответ на вопрос дельфинов, что отличает охотника от других людей. Смерть охотника чаще всего в океане, но в отличии от других людей, от спасателей, от биологов, охотник не отгораживается от океана стальными прутьями стопроцентной безопасности. Потому что чем большую безопасность ты себе обеспечиваешь, тем меньше можешь воздействовать на то, что находится по другую сторону защитного барьера. А охотник должен воздействовать, он не может просто подглядывать, как другие. В этом и есть его отличие, это и манило меня в моей службе.

– Мне не нужна клетка! – закричал я, стараясь перекрыть рев бури. – Не нужна!

Только через полчаса, оглохнув от рева и озябнув от брызг, я вернулся в коридор и задраил за собой люк. Дыхание никак не могло успокоиться, сердце едва не выскакивало из груди. Подумав, я не стал подниматься в сторожевую рубку, а спустился к дельфинам. Что-то мне подсказывало – они меня ждут. Но я ошибся – вольера была пуста.

Глава 3

Буря

Шторм за окнами не давал мне сосредоточиться. С одной стороны, надо было хоть как-то освоиться с оборудованием, пусть и нехитрым, но и не очень привычным, с другой – буря набирала силу, все больше притягивая к себе мой взгляд. В конце концов я решил совместить приятное с полезным – заняться разглядыванием стихии при помощи вверенных мне технических средств. Довольно мощный вычислитель позволял получать данные напрямую с спутников, так что я мог глянуть сверху на происходящее действо.

Вызвав на монитор пульт управления камерами шести подвластных биологам спутников, я выбрал один геостационарный, висевший почти точнехонько над «Тапрабани». Даже в обычном спектре буря из космоса выглядела внушительно – плотное, вихрящееся облачное пятно занимало чуть ли не четверть площади Индийского океана. А на предельном увеличении были видны многокилометровые сполохи молний, разрезающие небо одновременно в нескольких местах. Это напоминало работу безумного мастера спецэффектов – черный inferнальный вихрь, рождающий сполохи света. В этом был концепт, да и картинка мне настолько понравилась, что я нажал кнопку записи.

Попылившись на ветвистые сполохи молний, я переключил режим на инфракрасный – хотелось увидеть «Тапрабани» сверху, на предельном увеличении это можно даже с учетом толстой пелены туч. Изображение изменилось, стало более ярким и разноцветным – цвета означали разные температуры, согласно шкале внизу картинки. И, понятное дело, вместо клубящихся туч теперь были видны огромные океанские волны, катящиеся из бесконечности в бесконечность. Океан бурлил, переливался разноцветьем температур, так что меня это заворожило не меньше, чем в детстве завораживали новогодние украшения на елке.

В детстве я мог часами сидеть под новогодней елкой, вдыхать аромат хвои и смотреть, смотреть неотрывно на перемигивание мультифоровых гирлянд, на искрящиеся бока старинных акриловых игрушек, оставшихся еще, как говорила мама, от бабушки. Теперь было очень похоже – настолько, что вернулось щемящее ощущение праздника.

– А ведь у меня сегодня день рождения! – улыбнулся я, ощущая хоть и мимолетное, но самое настоящее счастье. – Кажется, самый лучший из всех.

Это было истинной правдой, потому что, несмотря на одиночество в этот праздник, мне не было скучно или тоскливо. Как долго я мечтал о возможности снова встретиться с океаном на его территории! И вот оно – произошло. Леся сделала мне самый лучший подарок, какой только можно было. Наверное, она сама не совсем понимала, насколько важно для меня было получить эту работу, да еще в первый же день, в свой день рождения, оказаться в самом центре свирепой бури. Я был так же счастлив, наверное, только после нашей с Леськой свадьбы, ну и еще, если быть до конца честным, в тот миг, когда адмирал приколот к моему воротнику булавку Кровавой Капли.

Это надо отпраздновать, решил я, вынимая банку сока из рюкзака.

Вскрыв ее, я глотнул прямо из клапана – не хотелось лезть в кухонный блок за стаканом. До чего же здорово тут! Я подправил положение камеры так, чтобы поймать в поле зрения «Тапрабани». Платформу было видно отлично, но на то, чтобы помахать самому себе, не хватало приближения в этом режиме. Вот если бы был ясный день, тогда получилось бы.

Я прильнул к экрану, ощущая себя сверхестественным существом, способным смотреть на себя с небес, полыхающих от фиолетовых молний. Платформа была прочно заякорена и ничуть не качалась, стойко держа удары многотонных волн. Меня завораживала эта стойкость,

завораживало смотреть, как океан пенится, расшибаясь в брызги о стальные фермы «Тапрабани».

Чуть уменьшив приближение камер, я вывел на монитор широкую панораму – теперь пена вокруг платформы слилась в едва заметную белую точку в иссиня-черном буйстве стихии. Мне захотелось закричать от восторга, я сжал кулаки, задыхаясь от переполнявших чувств. И в этот миг изображение на мониторе внезапно погасло, сменившись надписью:

«Неисправность устройства. Переключитесь на другой спутник».

– Что такое? – прошептал я в недоумении.

Попытка оживить камеру с клавиатуры терминала не привела ни к чему. Я последовал совету системы и перебрал управление на следующий спутник, хотя в данный момент он находился в такой точке орбиты, с которой невозможно разглядеть Индийский океан. Мне просто хотелось понять, камера сдохла или лег орбитальный канал связи. Но с каналом все было в норме – камера рабочего спутника показала городские огни на затененной стороне Земли.

– Надо же, какая случайность... – прошептал я, недоуменно почесав переносицу.

На самом деле ничего такого уж из ряда вон выходящего не случилось. Все орбитальные наблюдательные станции были старенькими, запускались с космодромов еще до последней войны, так что им всем лет по сто было, не меньше. После десятилетней эпидемии запущено было всего три спутника, и все они принадлежали подразделениям морских охотников, обеспечивая наблюдение из космоса за оживленными участками мировых акваторий.

На самом деле любой из командиров охотников мог взять управление с боевого планшета не только своими спутниками, но и любыми другими. Просто их аппараты были самыми новыми, самыми надежными, да к тому же специально спроектированными для наблюдения за биотехами, оставшимися в океане после войны. А вот биологи могли пользоваться только своими орбитальными станциями, геологи своими, и так далее. Спутниками все дорожили, поскольку после войны и эпидемии человечество так поредело, что оказалось в прямом смысле прижато брюхом к Земле. Не до орбитальных полетов – на суше и в океане хватало проблем. Ну что говорить, если от всего населения на Земле осталось не более миллиарда человек?

Нет, технологии не были утеряны, просто ресурсы требовались в других местах, а запущенных до войны спутников для нужд оставшихся хватало с лихвой. Даже с учетом такого выхода из строя, какой произошел только что на моих глазах.

В общем не было ничего удивительного в том, что старенький спутник биологов внезапно вышел из строя. Поразило меня лишь то, что произошло это как раз в момент наблюдения. Я немного подумал об этом, но заикливаться не стал. Все равно причину неисправности никто никогда не узнает. Не запускать же ракету в космос ради такой безделицы! Да и нет никакой ракеты, насколько известно. Надо будет, построят. А пока не надо, никто и не будет силы зря тратить.

Чтобы отвлечься, я решил порыскать по всемирной Сети на предмет информации о легендах дельфинов. После беседы с Тошкой и Лидочкой меня не покидало ощущение, что биологи несколько идеализируют этих разумных существ. Вон, Леська, чуть в обморок не упала, когда я сказал при них нестандартную фразу. А что такого? О людях бы так заботились...

Нет, я ничего не имел против дельфинов, но носиться с ними, как носится Леська – это уж дудки. Похоже, они над нами, над людьми, немного насмеваются. Хотя, если быть до конца честным – имеют право. Они видели, как мы с деревьев слезали, как обретали разум. Они старше нас, как вид, а яйца кур не учат. Но с другой стороны это не повод, чтобы тестировать нас, как Молчунья тестирует мотор на больших оборотах.

Вспомнив глухонемую, я невольно вздохнул. Где она сейчас, интересно? В команде с Чистюлей или сама по себе? Все же тосковал я по друзьям, чего уж греха таить. Тосковал, хоть и не любил себе признаваться в этом.

– А что если...

Шальная мысль промелькнула у меня в голове. Настолько шальная, что я по первому разу от нее отмахнулся, но она не ушла, сделала круг и вернулась, как возвращается отогнанный пулеметами гравилет, чтобы снова шарахнуть по тебе ракетами. Вот и эта мыслишка так же взяла меня на прицел и уже не отпускала.

– А что, – прошептал я, – ведь это возможно, барракуда меня дерит!

Идея состояла в том, что с этого терминала, через гражданскую Сеть, я, в принципе, мог бы выйти на один из специальных сетевых шлюзов, ведущих во внутреннюю коммуникационную сеть охотников. По большому счету, это даже не запрещено, и нарушения в этом никакого нет. В принципе, обычным гражданским это попросту не нужно, поскольку, возникни у кого-то надобность в охотниках, он мог объявить тревогу обычным порядком, а уж система сама переправит сигнал, куда требуется. Однако попусту тревогу объявлять нельзя. Это уже не просто нарушение, а преступление. Да мне оно и не надо было, мне просто хотелось прямо сейчас, в мой день рождения, услышать кого-нибудь из друзей или хотя бы бывших коллег. Все просто. А для этого надо отыскать в Сети адрес шлюза и ввести коммуникационный пароль, тот же самый, какой вводятся в компьютеры гарнитур при включении. Информация не секретная, просто служебная, так что вряд ли пароль сменили за то время, пока я не у дел.

Я убрал с экрана программу поиска, отыскавшую мне уже пару десятков ссылок на легенды дельфинов, и запустил ее снова, с другой задачей – найти адрес шлюза. На это ушло не больше десяти секунд. Я запустил коммуникатор, ввел в него адрес шлюза и включил микрофон. Программа запросила пароль, я его ввел. И тут же в динамиках компьютера послышались знакомые до боли звуки – отголоски эфира, в котором переговариваются морские охотники по служебным делам. У меня защемило сердце.

– Эй, Цаца, не спать! – говорил кто-то в микрофон гарнитуры. – Дай мне полярные координаты этой калоши.

– Азимут сто сорок, удаление двадцать, – ответил голос помоложе.

– Скорость?

– Без хода. Дрейфует по ветру строго на север.

Я запросил с клавиатуры позицию шлюза в Сети, чтобы узнать, как далеко от меня эти совершенно незнакомые ребята. Оказалось, что шлюз обслуживает сто сороковую эфирную башню, расположенную в Антарктике, на берегу земли королевы Мод. Радиус приема-передачи у нее километров восемьдесят, не больше, так что охотники гоняют кого-то во льдах.

– Цаца, прием! Ты узнал, почему они не отвечают?

– Как же я узнаю, Бес?

– Тормозишь, салага! Может, у них спутниковая связь работает. У тебя же пульт, барракуда дерит! Или прикажешь мне через гарнитуру с сателлитом связаться?

Я чуть не заплакал, слушая их. Не от расстройства, не от радости, а от нахлынувших воспоминаний. Люди работают, а я торчу тут сторожем... Вклиниваться в эфир в то время, когда охотники заняты – последнее дело. Но я не выдержал и произнес в микрофон:

– Бес, на связь, здесь Копуха!

– Не понял... – пробурчал охотник. Потом поправился. – На связи Бес. Ты где, Копуха?

– Далеко. В Индийском. Но у меня под пальцами пульт управления сателлитами наблюдения. Могу чем-то помочь?

– Ты через гражданский шлюз, что ли?

– Да.

– Понятно. Слушай, если у тебя действительно «линзы» настроены, не глянешь, что там за хрень бултыхается, как говно среди айсбергов? А то салага не справляется, барракуда его дери. На хрен еще угробит сателлит, если ему управление дать.

– Давай координаты по сетке, – улынулся я. – А то ваши полярные мне до одного места.

– Принял, сейчас.

Он продиктовал мне планарные координаты, а я бодро подыскал подходящий сателлит и направил его камеры в нужную точку. Увеличение побольше... Так...

– Здесь Копуха, – произнес я в эфир. – Бес, ты на связи?

– Да.

– Цель надводная, дрейфующая, – сообщил я, предварительно настраивая приближение.

– Конкретнее?

– Погоди, Бес.

Я пригляделся к экрану и снова не удержался от улыбки – среди льдов болтался сорванный понтон от какой-то временной переправы.

– Это «банка», Бес. Просто «банка». Расслабьтесь.

– Вот барракуда... – ругнулся охотник. – Изображение дашь?

– Адрес назови, перенаправлю.

– Эй, Цаца, чтоб тебя! – прорычал Бес в эфир. – Дай Копухе адрес, мне надо взглянуть самому.

Салага тут же отозвался и выдал мне внутренний адрес их сети.

– Я же через шлюз, Цаца! – прошипел я в микрофон. – Чему вас в учебке учили? Гражданским тоже будешь этот адрес давать? Сетевую точку мне дай, барракуда тебя дери! Посадят детей за пульт, потом сателлиты падают...

Бес разразился в эфире задорным хохотом. Получив от Цацы адрес сетевой точки, я перекинул изображение с нашего сателлита на планшет Беса.

– Есть, Копуха, спасибо, – отозвался он. – Надо расстрелять эту «банку», а то в тумане на турбинном ходу налетит кто-нибудь. Эй, Червень! Червень, чтоб тебя!

– На связи Червень, – раздался в эфире заспанный голос. – Чего орешь, пингвинов пугаешь?

– Ты что, уже пингвинам гарнитуры раздал? Офигели вы там окончательно. «Банку» надо утопить. А то погода такая, что кто-нибудь брюхо об нее оцарапает.

– Надо, значит, надо... – лениво ответил Червень. – Мушкетон щас только прочищу...

– Валяй, валяй. Запроси Цацу, он тебе цель на боевой выведет.

– О! – последняя фраза, похоже, Червню развеселила. – Да никак Цаца научился с пультом управляться? Да еще сателлитами вертит?

– Ага, размечтался, – хохотнул Бес. – Цаца тебе навертит.

– А откуда цель на планшете?

– Копуха выдал с гражданских «линз».

– Ты что, обкурился? Копуху списали давно.

– Погоди-ка...

Кажется, Бес тоже припомнил мой позывной, облетевший в свое время Землю вдоль и поперек.

– Эй, Копуха, на связь! – позвал он.

– На связи Копуха.

– Ты что, тот самый? Который Поганку накрыл?

– Было такое дело, – с удовольствием ответил я.

Приятно все же, когда о тебе знают и помнят совершенно незнакомые люди.

– Ну ты даешь, охотник. А я-то думаю, что за Копуха? Вроде слышал, а не припомню. Ты где сейчас конкретно?

– Индийский океан, биологическая станция «Тапрабани».

Еще я прибавил планарные координаты для точности.

– Не живется гражданской жизнью, раз в эфире гуляешь? – это уже Червень.

– Первый раз вышел через шлюз, – признался я. – Устроился сторожем на станцию, тут пульт хороший. К тому же сегодня мой день рождения.

– Ну, дела! – воскликнул Бес. – А ты не стесняйся, охотник, выходи чаще. Может, еще поработаем. Блин, народу расскажу, все сдохнут от зависти. Эй, Червень! Ну что там с твоим мушкетеном?

– Готов. Щас заряд в дуло забью... Двух ракет, думаю, хватит.

– Одной бы хватило.

– Для верности!

– Валяй.

Я посмотрел на экран, ожидая, когда ракеты Червня поразят цель. Секунд через тридцать в центре изображения полыхнуло коротким пламенем, и понтон моментально скрылся из вида, пробитый сотней металлических шариков.

– Здесь Копуха, – сказал я в эфир. – Цель поражена.

– Здесь Бес, подтверждаю.

– Ну и лады, – ответил Червень. – Пойду посплю еще часок.

Я помолчал, не зная, стоит ли затевать задуманное. В принципе, сегодня я уже получил от судьбы и так больше обычного. Намного больше. Но человеку, наверное, всегда мало.

– Бес, ответь Копухе... – позвал я.

– На связи.

– Ты не слыхал об охотниках с такими позывными?

– Валяй.

– Молчунья, Чистюля, Рипли, Викинг.

– Молчунью знаю. Это баба немая, да?

– Да.

– Списали ее. Ну, типа под сокращение. Мол, немая, значит, инвалидка, а инвалиды в охотниках ни к чему.

– Сами они инвалиды... – разозлился я.

– Другие не знаю где. Про Чистюлю слышал, ясное дело, он ведь с тобой тогда был. Но не знаю, где он сейчас охотится. А за Викинга и Рипли ничего не скажу. Друзей ищешь?

– Да. Хотел перекинуться парой слов в день рождения.

– Найдешь, – уверенно заявил Бес. – Ты ведь охотник.

– Уже, вроде как, нет.

– Чушь. Доктора могут только бумагу марать, – успокоил меня Червень. – А как дойдет до дела, с которым другие не справятся, так отыщут тебя на раз. Так что ты не теряй форму, Копуха. Я таких историй слышал не одну и не две.

– С Рипли так было, – вспомнил я. – Ее Жаб с камбуза вытащил.

– Вот видишь, – поддакнул Бес. – И на тебя найдется какой-нибудь Жаб. Ты ведь во всем мировом океане главный специалист по одичавшим ракетным платформам.

– Много ли их осталось? – вздохнул я. – Кажется, мы последнюю тогда накрыли.

– Ну и хорошо. Этих тварей чем меньше, тем лучше. Но ты вроде стрелял хорошо?

– Мало что ли стрелков? Вон, Червень, с ракетами управляется по высшему классу.

– Но ты ведь снайпер-глубинник, – не очень уверенно припомнил Бес. – Это не ракетами по наводке пулять. Из моих знакомых глубже ста метров вообще никто не нырял. Как глубоко ты Поганку достал?

– Четыре тысячи метров.

– Охренеть можно, – присвистнул Червень. – Я бы в штаны наделал на такой глубине.

– Да, там можно, – подтвердил я. – Только скафандр не даст. На дне так давит водой, что не только обосраться, а перднуть не выйдет.

Червень с Бесом рассмеялись.

– Ладно, Копуха, ты там не унывай, – посоветовал Бес. – И выходи на связь, как будешь за пультом. Мы все время у сто сороковой вышки пингвинов пугаем.

– База на леднике?

– Да. Нас тут двенадцать человек. Познакомишься постепенно со всеми. А мы про тебя в кубрике расскажем.

– Годится, – улыбнулся я. – Ладно, ребята, конец связи. И удачной охоты.

Я отсоединился от шлюза и откинулся на спинку кресла. Ну и выдался же мне день рождения! Даже поохотиться получилось. Хоть на пустую «банку», да разве в том дело, какая цель? К тому же пользы от такой охоты не меньше, чем если бы «Сотку» или «Барракуду» накрыли. Турбоходу все равно от чего тонуть – от торпеды или от столкновения со старым понтоном.

Интересно, что бы Леся сказала, если бы застала меня за пультом минуту назад, когда я корректировал огонь самого настоящего ракетного удара? Надулась бы скорее всего, мол, вам бы, охотникам, только пострелять куда-нибудь. А может, и нет. Иногда я попусту на нее обижался. Чаше всего именно попусту, чего уж тут говорить. И понять ее можно – она не просто гражданская, не просто женщина, чего уже было бы достаточно для отвращения к любому насилию, но она еще и биолог, то есть в силу профессии прекрасно знает, как воздействует ракетный удар на живой организм. Хотя, с другой стороны, я гораздо лучше нее знал, как воздействует стрельба на искусственный, биотехнологический организм, и что будет, если такое воздействие вовремя не применить.

Снова вспомнилось, как при зачетном погружении в Средиземке на меня напала скоростная торпеда класса «Барракуда» – биотех-хищник, маневренный, хитрый и опасный, как сама смерть. Если бы Рипли не помогла мне тогда, не прикрыла огнем, то Леське бы уже не на кого было дуться. Так что и я, и она были по-своему правы, каждый своей правотой. Иногда такое едва заметное противостояние раздражало, но все же мы слишком сильно любили друг друга, чтобы дать трещинке полного непонимания пробежать между нами. Говорят, что первый год совместной жизни – это некий рубеж, который, если перейти, то потом все сложится. Похоже, мы сегодня счастливо перешагнули его.

Да, сегодня определенно лучший день за минувший год. Какой-то прямо знаковый день. Леська устроила меня на станцию, потом пережила мое переодевание в форму, а теперь еще выдалось поохотиться на опасную железяку и потрепаться с охотниками. Глотнув еще соку, я улыбнулся. Несмотря на штормовую полутьму за окнами сторожевой башни, на душе у меня было светло и радостно. Просто отлично.

Глава 4

Тревога

Ближе к вечеру я заскучал. День оказался настолько бурным, что, когда события сбавили ход, мне стало грустно. Сделав бутерброд с тунцом, я решил все же просмотреть, что нашлось в Сети по теме дельфиной легендаристики. На английском читать было лень, так что я выбрал статейки на русском, чтобы просто иметь представление. В первой статье много места было уделено тому, как был открыт разум дельфинов, рассказывалось о семантике их языка и описывались алгоритмы работы коммуникатора. Все это было мне в общих чертах известно, и вводную часть я промахнул. Перелистнув несколько страниц, я зацепился взглядом за заголовок: «Отголоски древних эволюционных событий в эпосе дельфинов». Дальше было написано следующее:

«Большинство современных ученых склоняется к мнению, что разум дельфинов сформировался раньше, чем произошло их окончательное эволюционное становление как вида. Бытуют и другие мнения, среди которых особого внимания заслуживает версия происхождения мощного мыслительного аппарата вследствие развития эхолокационных способностей. Однако эта версия в значительной мере утратила приверженцев после снятия языкового барьера между дельфином и человеком. Так, в некоторых легендах дельфинов сохранились отголоски наземного образа жизни, что дает повод считать их разум более древним, чем эхолокационные способности, которые могли сформироваться только в водной среде. Мы также склоняемся к мнению, что наиболее древние легенды дельфинов возникли более 70 миллионов лет назад, когда предки современных китообразных еще обитали на суше, вблизи илистых болот. Например, в легенде о Тсиита сохранилось упоминание насекомоядности предков дельфинов, а в легенде о странствиях Саттита, несмотря на поздние матаморфозы текста, содержатся элементы, прямо указывающие на то, что Саттита странствовал не в водной среде. Так, понятие, которое коммуникатор переводит словами «укрылся от взглядов врагов», очень отличается от понятия «уйти в глубину», которое современные дельфины используют в подобных случаях. По мнению профессора Гранта, с которым мы полностью согласны, в первоисточнике легенды «Странствия Саттита» речь могла идти о некоем наземном укрытии, вроде ямы или поваленного ствола дерева. Однако современные дельфины, не имея в языке ни понятия ямы, ни понятия дерева в привычном нам понимании, могли попросту упустить существенное, смысл которого ими утерян. Так, изначально фраза могла звучать как «укрылся от взглядов врагов за поваленным деревом»...

Я понял, что ничего интересного для себя в этих статьях не найду. Слишком все глубоко научно и, по большому счету, скучно. Я надеялся отыскать сами легенды в переводе коммуникатора, но ни в одной из статей ни текстов, ни цитат не оказалось. Странно это... Данное обстоятельство могло быть вызвано либо нежеланием перегружать общую Сеть ненужными подробностями, либо прямой необходимостью скрыть часть информации. Я даже примерно не мог представить, для чего и кому это могло понадобиться, и какой вред мог оказаться от древних дельфиньих легенд для нынешнего существования человечества. Вообще, надо будет у Леси спросить, она-то уж от меня ничего не станет скрывать.

Удовлетворенный таким решением, я откинулся на спинку кресла, и в тот же миг экран монитора сделался красным, а в центре экрана полыхнула белая надпись: «Тревога!». Вот уж к чему-чему, а к этому я готов точно не был. И хотя сегодняшний день преподнес мне не мало сюрпризов, но это было уже чересчур. Общая тревога, объявленная в гражданской Сети, могла означать минимум угрозу для всей зоны Индийского океана. Будь она не столь значимой, экран загорелся бы не красным, а оранжевым цветом, как это бывал много раз на моей памяти, при обнаружении в прибрежных акваториях особо опасных биотехов, вроде двадцатитонной «Берты», какую мы обезвредили возле Одессы.

Как того требовала инструкция, я быстро переключился на новостийный канал, готовый услышать все, что угодно. Но пока монитор показывал только заставку экстренного выпуска.

– Вот барракуда... – прошептал я, все сильнее поддаваясь охватившей меня тревоге.

Хуже всего – не знать, что происходит. А происходило нечто из ряда вон, иначе красную заставку в Сеть не выбрасывают. Наиболее логичным было предположить внезапный природный катаклизм, вроде сильнейшего землетрясения в океане. Мощные толчки на дне могут поднимать волны высотой метров в тридцать, а то и больше. И хотя такое случается раз в тысячу лет, и в прошлый раз было в Индийском океане всего лет двести пятьдесят назад, но ничего другого мне в голову не приходило. Правда, если напрячь воображение, можно было представить, что бушующий ураган начал набирать невиданную силу, грозящую смести в океане и на побережье все живое. Или, еще того хуже, внезапно выскочивший из тьмы космоса астероид с угрожающей Земле траекторией. Последнее меня напугало до ледяных мурашек, поскольку, даже если межпланетный убийца был обнаружен загодя, сбивать его совершенно нечем. Ни ракет нет, способных вывести заряд на орбиту, ни самого заряда.

Я потер похолодевшие ладони, а заставка на экране все не сменялась изображением диктора, который внесет ясность в происходящее. Мысль об астероиде не выходила из головы, засев там накрепко, вцепившись когтями, впившись зубами... Вспомнилась статья из школьного учебника истории, в которой говорилось о всеобщем разоружении после Десятилетней эпидемии. Тогда велись ожесточенные споры о том, стоит ли уничтожать все термоядерные боеприпасы без остатка или же оставить немного на всякий случай. Профессор Маркович, потомственный физик, очень уважаемый в научной среде не только из-за собственных заслуг, но и из-за того, что его далекий предок когда-то создал первый квантовый вычислитель, высказывался за сохранение хотя бы части термоядерных арсеналов. Но общественность, находившаяся в глубоком ужасе после последней войны, истребившей половину тогдашнего населения, настаивала на полном уничтожении всех зарядов. Главный идеолог разоружения, профессор Вудстронг, подлил масла в огонь тем, что произвел расчеты последствий войны, если бы в ней применялись не только и не столько биотехи, сколько термоядерное оружие. Человечество было в шоке от его выводов, после чего африканский, европейский и азиатский парламенты единогласно проголосовали за Полное Разоружение, включая не только уничтожение ядерных боеприпасов, но и полный запрет на биоконструирование, в том числе и в мирных целях.

Даже морским охотникам с огромным трудом удалось отстоять право на сохранение двух заводов по выращиванию сверхглубинных скафандров-биотехов. Видимо, оставшиеся в океанах твари пугали людей не меньше, а возможно, и больше, чем термоядерные фугасы. Уничтожая сохранившихся с войны биотехов, охотники приобрели настолько мощный авторитет, что вместе с ним получили немалую власть. Сейчас от нее остались лишь отголоски в виде неписаных морских правил, но лет семьдесят назад морской охотник вызывал у людей поистине священный трепет. Охотники были единственными защитниками от кишевших в глубинах чудовищ, да и сейчас остаются единственными, да только самих чудовищ здорово поубавилось с тех времен. Люди немного пришли в себя, а от бывшего почитания охотников осталось

мало. Разве что дети по-прежнему в них играют, мастерят гарпунные карабины и ловят воображаемых пиратов.

И вот теперь произошло нечто ужасное, чего не ожидал никто. Я вспомнил недавние слова Беса о том, что если произойдет что-то из ряда вон выходящее, то и мне найдется место в отряде охотников. Однако теперь это ни сколько не радовало. Честно говоря, я попросту испугался. Сильно.

Наконец заставка сменилась лицом диктора.

– Вниманию всей гражданской Сети! – начал он. – Передаем экстренное сообщение.

Я внутренне напрягся.

– Два часа назад, – продолжил диктор, – в акватории Индийского океана была зафиксирована вспышка ультрафиолетового излучения, сходная со вспышкой при запуске баллистической межконтинентальной ракеты. Просчет траектории показал выход снаряда на устойчивую орбиту, где он и пребывает в настоящее время. Активное зондирование объекта с наземных станций и спутников однозначно указывает, что на его борту находится термоядерный боеприпас с разделяющимися боеголовками, готовый в любую минуту атаковать наземную цель. Однако, поскольку орбита снаряда в настоящее время стабильна, невозможно определить, когда и куда придется удар. По всей видимости, ракета выпущена с заякоренной в океане пусковой платформы, по каким-то причинам не уничтоженной во время Полного Разоружения. Зондирование ракеты указывает на то, что она изготовлена до повсеместного внедрения биологических технологий – это металлический объект, снаряженный термоядерными боеголовками, а потому в его конструкции не может быть биологических деталей. Данный факт оставляет надежду, что ракету можно обезвредить сигналом с Земли. В настоящий момент группа специалистов работает с документами старых военных архивов. Их цель – точно определить тип ракеты и найти код для ее дезактивации. Однако никто не знает, чем и когда увенчаются их усилия. В связи с этим объявляется срочная эвакуация населения из областей, которые с наибольшей вероятностью могут быть подвергнуты термоядерному удару. В первую очередь это крупные города Европы, а также мегаполисы арабских стран, которые в довоенный период входили в так называемую Ось Зла. На этом мы заканчиваем экстренный выпуск. Следите за развитием событий! Экстренные выпуски будут выходить в Сеть каждые полчаса.

После этого сообщения паника в моей душе несколько улеглась. Ведь если ракета стартовала с платформы в Индийском океане, то ее цель не здесь, а где-нибудь в Европе, Африке или Средней Азии. Не здесь. Хотя успокоение это носило глубоко личный, эгоистический характер, так что я его устыдился. Едва закончился экстренный выпуск, я настроил терминал на поиск подробностей происшедшего. Сразу нашлась карта Индийского океана с помеченным местом старта. Надо же, всего в каких-то двухстах милях к югу от «Тапрабани»! Оглядывая океан с спутника, я мог запросто увидеть старт!

– Вот барракуда! – вырвалось у меня. – А не связано ли это с потерей спутникового изображения? Может, установленная на платформе защита вывела из строя камеру спутника перед запуском ракеты?

Такое запросто могло быть. Достаточно лазером прицельно шархнуть в объектив. Кстати, насколько мне известно, до войны лазерные технологии имели большую популярность среди оружейников.

Минут через пятнадцать терминал выдал мне новые подробности – кто-то из специалистов нашел упоминание о сверхсекретных документах, не попавших в руки комиссии по Полному Разоружению. В части этих документов, согласно следам в архивах, могли содержаться координаты установки глубоко засекреченных подводных ракетных платформ и коды управления ими. Сами документы были уничтожены еще во время войны, когда старые платформы были брошены за ненадобностью. Демонтировать их было дороже, чем бросить, а изобретенные биотехнологические платформы, вроде одичавшей Поганки, которую я взорвал год

назад, сулили б~ольшие перспективы, чем устаревшие носители термоядерных боеприпасов. В результате получалось, что заякоренная стальная платформа, с которой был произведен запуск, могла оказаться в океане не единственной.

Кроме того, появились версии причины запуска. Инициировать платформу мог разбушевавшийся в наших широтах ураган. По мнению ученых, его сила уже превысила силу любого из штормов со времен последней войны, так что вполне могла быть оценена автоматикой платформы как угрожающее нападение. Точную же программу пусковой площадки никто не знал, как и то, на что и как она еще может отреагировать.

– Вот ведь как получилось! – произнес я. – Все так занялись уничтожением биотехов, что начисто позабыли о старой угрозе...

У меня мороз по коже пробежал от того, что всего несколько часов назад Тошка и Лидочка предрекли создавшуюся ситуацию. Как Лидочка сказала напоследок?..

«Время не имеет значения, – вспомнил я перевод коммуникатора. – Обязательно появится кто-то, кто посадит вас в клетку. Он будет говорить, а вы будете делать. Это будет новая ступенька. Выше вас. А мы останемся есть вкусную жирную рыбу».

Или это не предсказание? Может ли быть такое, что дельфины знали о возможном запуске? Нет, вряд ли... Технические познания у них ниже всяких отметок. Даже если бы они видели заякоренную платформу, не смогли бы определить степень ее опасности. С интуицией же, судя по всему, у них полный порядок.

«Новая ступенька... – подумал я. – Нет, это слишком. Прямо как в древних фантастических фильмах, где взбунтовавшиеся механизмы стирают человечество с лица Земли. Не может такого быть. Бред. Через несколько часов уничтожат железяку, и все. Другое дело – ракета на орбите».

Понятно, что к разоружению люди подошли спустя рукава. А ведь можно, можно было предположить, что где-то что-то осталось! И начать целенаправленный поиск. Но после драки кулаками не машут, чего уж тут говорить. Хотя драка еще не кончилась.

Я представил, как в данную минуту отряды охотников грузятся в гравилеты, как амфибии океанского класса направляются к цели. На мой взгляд, судьба самой платформы уже предрешена – старая ржавая железяка будет торпедирована не позднее чем через час по моим подсчетам. Так что главную и единственную угрозу для человечества будет представлять уже запущенная ракета. Особенно с учетом того, что никто не знает, какая программа ею управляет, куда она нацелена и когда врубит тормозные двигатели, чтобы сорваться с орбиты. Если бы я сейчас находился в Европе, то уже бежал бы к ближайшему пирсу баллистиков, держа в руке билет на рейс в Индию. Пожалуй, здесь сейчас самое безопасное место на всей планете. И надо же было мне тут оказаться!

Я поймал себя на затаенном ожидании и сразу понял, чего именно жду. Сообщения на мониторе. Ведь Бес теперь знал, где меня искать, и если я действительно понадобится, то меня теперь можно запросто отыскать. Представилось, как охотники хвастаются в кубрике, что с ними на связь вышел сам Копуха, убивший Поганку на дне океана, и тут объявляют тревогу, заходит офицер, и ему рассказывают, что на биологической станции сидит списанный по здоровью самый большой специалист по донным платформам.

Но, с другой стороны, следовало признать, что на шумевшая сегодня стальная платформа далеко выходила за рамки моей квалификации. Вот если бы речь шла о Поганке «М-8» или вообще о платформе-биотехе, тогда дело другое. Хотя, если быть до конца честным, мне тогда просто повезло, а настоящих специалистов по донным тварям среди охотников было немало. Другое дело, что практика на охоте ценится во много раз выше теории. В общем только на это и оставалось надеяться, хотя подобная надежда была вялой. Ну действительно, когда над всем миром нависла смертельная угроза, будет ли кому-то дело до одного списанного охотника? Нет конечно. Если быть честным, я в это не верил, но очень хотелось бы верить.

– Зато Леська в безопасности, – сделал я хоть какой-то утешительный для себя вывод.

То, что вместе с ней в полной безопасности оказался и я, меня сильно напрягало, но сделать ничего было нельзя – только сидеть в сторожевой башне и пялиться на крепчающий шторм. Вид за окном заставил меня задуматься и о другом. При таком ветре Леська на турбинном катере до меня не доберется, а значит, с минуты на минуту она со мной свяжется через Сеть, чтобы успокоить и сообщить о невозможности завтрашнего приезда.

Еды, кстати, у меня не так много. Конечно, я был далек от мысли, что меня здесь бросят умирать с голоду, даже если шторм не кончится, но все равно стало не очень уютно. Вот и опять океан показал мне зубы. Хищник он, хищник, нечего и говорить. И все равно я его любил, может быть, именно за то и любил, что он хищник.

Леська вышла на связь только через час. Запиликал сигнал частного вызова, я переключил канал и увидел ее лицо на экране.

– Привет, – сказала она. – В институте все на ушах стоят. А ты как там?

– Держусь, – улыбнулся я. – Шторм так разгулялся, что завтра тебя вряд ли стоит ждать.

– Не знаю. Может, возьму транспорт посolidнее и все же доберусь. У тебя ведь с питанием напряженка.

– Это точно. Пяток бутербродов остался. И банка сока.

– Тогда днем обязательно буду. Если сама не смогу, тогда ребят пришлю.

– Ну уж дудки! Я соскучился.

– Я тоже. Но у нас тут такое... У многих родственники в Европе. Там ужас что делается, видел новости?

– Из Европы еще нет.

– Лучше и не смотри, а то спать плохо будешь. Паника жуткая, уже есть жертвы на пирсах баллистиков. Люди в прямом смысле давят друг друга.

– Вот барракуда... – ругнулся я.

– Да уж... Беда пришла, откуда не ждали. Сорок лет воевали с биотехами, а крепко досталось от ржавой железки.

– От биотехов тоже досталось, – мрачно ответил я.

– Да. Но о тех временах все уже немного начали забывать. Пятьдесят лет безмятежного существования – надежный способ устроить панику в случае неожиданной опасности.

– Это точно.

– Ладно, Рома, мне пора бежать. Нас тут тоже кое-чем нагрузили по теме, надо составить гидробиологическую карту предполагаемой позиции пуска. И скорее всего для разведки будут применять наших зверей.

– Тошку и Лидочку?

– Нет, что ты... Они ученые, станционные жители, ценные кадры. Туда пойдут обученные дельфины-практики, из тех отрядов, которые работают с геологами. Они умеют пользоваться специальным снаряжением орбитального позиционирования, без которого дельфинам не объяснить, как отыскать платформу. Но руководить этой операцией скорее всего придется нашему отделу, поскольку для дельфинов это стресс, а в психике китообразных, кроме нас, тут сейчас специалистов нет.

– Повоюешь, – усмехнулся я.

– Завидуешь? – подняла брови Леська.

– Да нет. Я уже навоевался.

– Врешь, конечно, – улыбнулась она. – Но надо же мне тоже принять участие в спасении человечества. А ты действительно его уже один раз спасал, так что не расстраивайся.

– Да уж... Ладно, не буду тебя отрывать от важных дел.

– Пока, целую! – она чмокнула губами и исчезла с экрана.

А я разнервничался. Причем разнервничался всерьез, захотелось в сердцах шарахнуть кулаком по столу, так что я с большим трудом удержался. Вот ведь как! Теперь Леська будет участвовать в уничтожении ракетной платформы. А я буду сидеть сторожем на биостанции. Вот ведь ирония судьбы! Ну и день рождения выдался мне в этот год!

Стиснув пальцами подлокотники кресла, я угрюмо уставился в пустой экран. Была мысль переключиться на канал новостей из Европы, но я решил внять совету и не смотреть. Не хотелось видеть, как люди в панике и отчаянии давят друг друга до смерти.

Вскоре начался очередной экстренный выпуск, и я сосредоточился на словах диктора.

– Несколько разведывательных подразделений морских охотников столкнулись с неожиданными трудностями на подходе к предполагаемому месту ракетного старта, – сообщил он. – По всей видимости, данная платформа была особо засекречена не даром, поскольку никто из специалистов не может в точности определить не то что ее тип, но даже страну-изготовителя. Теперь очевидно лишь то, что платформа заякорена в подводном положении и имеет невиданно мощную систему автономной обороны. Любые попытки приблизиться к месту запуска ближе чем на тридцать миль вызывают срабатывание боевых лазеров, бьющих на поражение. Под огнем мощных световых пушек к текущему часу погибло уже трое разведчиков, в связи с чем принято решение прекратить сбор информации и подтянуть силы к границе безопасной зоны.

Это меня удивило. Чтобы охотников кто-то остановил... Нет, это уже чересчур! Хотя в какой-то мере данный факт объяснить можно – вся техника и все навыки охотников рассчитаны на борьбу с биотехами. Здесь же противник совершенно другой, забытый и непривычный. У биотехов нет лазерных пушек, да и любая защитная зона вокруг них редко превышает сферу радиусом в четыре мили. А тут ближе тридцати миль – не сунься. Я попробовал вспомнить, какой из механических торпед можно поразить цель на таком удалении, и быстро понял, что подобных снарядов нет ни у охотников, ни у спасателей. То есть ни у кого нет.

Правда, лично я знал одного человека, который, несмотря на строжайший запрет, применял совсем другие торпеды – биотехнологические, оставшиеся с войны в личинках. Но где он их доставал и где прятал, теперь уже никто не узнает.

Конечно, не один только Жаб знал, где взять живых биотехов в личиночной стадии, наверняка и другие старые охотники владели схожей информацией. Но согласится ли человечество, даже под угрозой термоядерного удара, выпустить из бутылки такого джина, как живые торпеды? Я сомневался.

С другой стороны, можно было применить биотехи тайно. Уничтожить опасную пусковую платформу, а потом концы в воду. Да вот только реально ли в теперешних условиях сохранить подобный секрет? У любого человека, способного дать такую команду, есть враги, которые тут же растреляют о чудовищном преступлении, не думая о последствиях. Нет, дать команду на применение биотехов вряд ли кто осмелится, а уж без команды и того сомнительнее. Разве что какой-нибудь сумасшедший охотник, вроде Жаба, посчитает столь серьезную ответственность приемлемой для себя. В личном порядке, как это и было в случае Жаба.

«Я бы не смог, – подумал я с замиранием сердца. – В этом и разница между мной и ним».

Все-таки Жаб, наш командир, был стопроцентным психом. Маньяком, чего уж тут говорить. У него была цель, причем личная цель, а на всех остальных он плевал чешуей с высокого пирса. Воля была железная, этого не отнять, но волю тоже надо применять с умом. Нет, Жаб не был для меня образцом для подражания. Может, нечто подобное и теплилось в моей душе, но лишь до того момента, пока он не взял в заложницы Рипли. После этого у меня уже не было моральных барьеров перед тем, чтобы его убить. Я был готов к этому, но судьба распорядилась иначе – Жаба убила Поганка. А я убил ее. И теперь многие охотники слушают мое имя с почтением. Некоторые, те что помоложе, наверняка с завистью.

Найдется ли теперь столь же сумасшедший охотник, способный тайком добыть личинку торпеды, а затем применить ее против слетевшей с катушек платформы? Не знаю. Такого как Жаб еще поискать. Да и не позволят ему. Свои же сдадут, если узнают. В случае с Жабом все чуточку было иначе, он держал возле себя людей, которые целиком и полностью от него зависели, причем так, что деваться некуда. Он тщательно отбирал именно таких, а когда найти не получалось, Жаб сам создавал ситуации, в результате которых человек оказывался в безвыходном положении. Затем появлялся наш доблестный командир, выручал несчастного, а потом пользовал, как хотел. Оказалось, что и Рипли не без его помощи попала кухаркой на захудалую базу под Одессой. Он посодействовал ее списанию, чтобы потом выручить и оказаться в ее глазах героем. Возможно, и со мной произошло нечто похожее. По крайней мере, Молчунья так говорила.

Жаб был поистине мастером подобных интриг, так что я сомневался, что найдется еще кто-то, кого не сдадут свои же сослуживцы, если он начнет так же, как Жаб, нарушать все писанные и неписанные правила подводной охоты. К тому же за прошедший год многое изменилось.

Я как-то читал, что то ли в девятнадцатом, то ли в двадцатом веке на севере американского континента люди придумали понятие политической корректности. Его смысл я так до конца и не понял, но сводилось все к тому, что некоторые слова, ставшие по разным причинам ругательными, произносить запрещалось, и надо было заменять их новыми. Потом, когда и те приобретали ругательный оттенок, их снова заменяли, и так до бесконечности. Причем мотивация таких замен сама по себе из тех же соображений замалчивалась и заменялась на более, как казалось, допустимую. И вот сейчас нечто похожее происходило в отношении технологий – сначала под запрет попало биологическое конструирование, на том основании, что биотехи во время и после войны наделали бед. Затем, почти сразу, та же участь постигла все разработки, связанные с орбитальными технологиями. На этот раз объяснили это тем, что человечеству хватает бед на Земле, и нечего силы тратить на космос. Еще чуть позже, я уже помнил это время, отказались от баллистических рейсов через Атлантику, под тем предлогом, что Америка выкарабкалась из послевоенной нищеты и вполне способна обойтись без помощи Старого Света.

Со временем истинные причины таких решений забывались, искажались, а то и попросту теряли смысл, в результате чего приобретали некоторый, почти религиозный, оттенок. Ну, что-то вроде древнего слова «табу». Это когда что-то делать нельзя, а почему нельзя – никто не знает. Как-то само по себе понятно, что из-за невыполнения табу случится нечто ужасное, но неизвестно, какой беды ждать в этом случае, а потому невыполнение правил пугает особенно сильно.

Не знаю как с орбитальными полетами, но в отношении биотехов точно сложилось табу. Скажи сейчас диктор в Сети, что охотники собрались использовать биотехнологическую торпеду против старой платформы, так по всему миру поднимется паника, раз в десять более страшная, чем от угрозы термоядерного удара. Потому что с термоядерным ударом все ясно, а вот каких подлостей можно ждать от биотехов, многие уже толком не представляют, а потому боятся одного лишь слова. Хотя, с другой стороны, этот ужас можно понять, ведь слово «биотех» для подавляющего большинства стало синонимом слова «смерть». И лишь для охотников оно сохранило двоякое значение. С одной стороны, биотех являлся врагом, страшной смертью, поджидающей тебя в океане, а с другой стороны, биотехнологические жидкостные скафандры были единственным средством выжить на глубине нескольких километров.

В общем я сильно подозревал, что человечество предпочтет явную угрозу термоядерного удара и не допустит попадания личинок живых торпед в Мировой океан. Так что охотники, как ни крути, столкнулись с очень серьезной проблемой – с врагом, до которого привычными средствами не добраться.

Порывшись в Сети, я нашел свеженькие статейки по поводу случившегося. Большинство из них сводились как раз к тем настроениям, о которых я только что размышлял. Авторы вкратце рассказывали о проблеме, а потом долго и вкусно производили анализ ситуации. В качестве вывода, на десерт, подавалась страшилка, что перепуганные первыми неудачами охотники могут тайком от человечества выпустить в океан личинки торпед. И дальше ужасы бесконтрольности и всеобщего хаоса.

Интерес вызвала лишь одна статья, в которой автор, весьма аргументированно, предлагал пожертвовать одним из старых спутников, столкнув его с находящейся на орбите ракетой. Он даже вычислил, какой спутник для этого можно использовать. На мой взгляд, это был замечательный выход. Ведь неизвестно, хватит ли ресурсов у старой платформы на еще один пуск, так что если уже взлетевшую ракету уничтожить, то таким образом можно отвести опасность от человечества. По крайней мере, на какое-то время.

А еще через несколько минут новостийный диктор сообщил, что специалисты близки к нахождению секретного кода для дезактивации ракет и самой платформы. Вроде бы как тип устройства уже определен, теперь осталось найти нужные папки в архиве. Однако скептики считали, что проект установки этой платформы был настолько секретным, что папки могли быть попросту уничтожены. В общем человечество продолжало находиться в напряжении, но наличие вариантов разрешения ситуации немного всех успокоило, так что паника в Европе продлилась не долго. Эвакуация продолжалась, но уже не стихийным, а организованным порядком. Однако я знал, что на самом деле все еще только начинается. И даже если пущенную ракету собьют, охотникам придется разобраться с самой пусковой платформой.

Только все это будет без меня, я вдруг отчетливо это понял. Лучше сразу отбросить иллюзии. Никому, кроме Жаба, не придет в голову возвращать в строй списанного по здоровью охотника. А Жаб погиб на моих глазах, так что перспектив нет. Хорошо, Леська меня хоть сюда устроила сторожем.

Возникла мысль пораньше лечь спать. Ну стоит весь мир на ушах, что с того? Меня это теперь совсем не касается. Надо и другим дать шанс спасти Землю. Вот, Леська пусть попробует, например.

На самом деле в глубине души, в темных закоулках подсознания у меня теплилась надежда, что ни у кого ничего не получится. Нет, я конечно не хотел, чтобы водородные бомбы перепахали Европу. Честно не хотел, без дураков. Но все же некоторая затаенная обида была.

«Ладно, пусть попытаются, – думал я, ложась на кушетку. – Списали меня? Ну, пусть теперь сами и ковыряются.»

Хотя, если бы меня прямо сейчас забрали отсюда, нацепили бы мне погоны и спросили, что делать, я бы затруднился с ответом. А вот правда, что? Мое мнение на этот счет было однозначным – применять биотехнологические торпеды для уничтожения платформы. Но сам бы я не решился на такое. Да и не дали бы мне, чего уж тут говорить. И где взять личинки, я тоже не знал. И управлять биотехами я не умел, в отличие от Жаба, который силен был в их программировании. Ну, с глубинным скафандром я прекрасно справлялся, а вот что касается торпед... Нет, пожалуй, я действительно был бесполезен в сложившейся ситуации. А потому надо выкинуть все из головы и спать.

Но сон не шел. Я лежал на кушетке, ворочался, то засыпал, то вновь просыпался от непривычности обстановки. В коротких дремотных провалах приходили видения, навесные памяти – я стоял на дне океана, посреди бесконечной базальтовой пустыни, а надо мной полыхал «светлячок» «СГОР-4». И зеленые буквы, бегущие перед лицом на хитиновом забрале шлема: «Копуха, ответь, здесь Молчунья. Я не вижу тебя на радаре».

Странно. Такой ситуации в моей жизни никогда не было. Нет, конечно, на дно океана я опускался и с Молчуньей переговаривался на глубине, но в точности того, что пригрезилось, никогда не происходило. Однако приснившаяся местность была мне знакома, поскольку в или-

стой придонной дымке я отчетливо разглядел остов затонувшего «Голиафа». Значит, это было совсем не далеко от глубинной базы «DIP-24-200». К чему бы такой сон? С этой базой у меня были связаны очень неприятные воспоминания. Как-то все в кучу сбилось – и драка с Молчуньей, и гибель моего скафандра, и стычка с Жабом, и в конце концов мое списание. Все на этой проклятой, забытой морскими богами базе.

Ничего удивительного нет в появлении кошмаров, когда над всем миром нависла угроза. Тревожные мысли, тревожные сны о тревожном месте. И все же это сильно меня напрягло, так что уснуть мне удалось лишь к середине ночи, да и то прерывистым, недружелюбным сном, от которого никакого отдыха, а одна маета.

Снова снился океан, причем в жестокий шторм. На каком-то утлом суденышке мы с Долговязым готовили жидкостный аппарат к погружению. И понятно было, что погружаться мне, но аппарат, естественно, на меня кидаться не собирался, поскольку допуск мой давно дезактивирован. Я кричал, что ничего не получится, а Долговязый с деловым видом достал инъектор и сделал в мышцу скафандра укол. Тот сразу оживился и кинулся на меня, обмотал мышцами, спеленал, выдавливая из легких весь воздух. И вроде все шло нормально, но тут я понял, что непременно умру, потому что катетера у меня в спине давно нет, а потому кровеносная система никак не сможет соединиться с кровеносной системой скафандра, а значит, и кислород из его жабер я получить не смогу.

У меня легкие свело от удушья, я закашлялся и свалился с кушетки, больно стукнувшись головой о край стола. Уже проснулся, но все еще не мог перевести дыхание, а в ушах звучал настойчивый сигнал тревоги. В первые мгновения я решил, что этот звук – отголосок сна, но поднявшись и помотав головой, понял, что сирена внешней угрозы ревет наяву.

Через секунду я уже сидел за пультом, хотя голова еще не была до конца ясной. На выяснение причины тревоги ушло не много времени – карта на мониторе мерцала красной точкой в месте пересечения границы охранной зоны. Дело ясное – неизвестное судно вошло внутрь контрольного периметра станции. Однако погодка явно не располагала к навигации, так что корабль мог вполне оказаться терпящим бедствие.

Я включил передатчик на аварийную частоту и произнес в микрофон:

– Здесь биологическая станция «Тапрабани». Вы пересекли границу охранной зоны, назовите себя!

На самом деле призыв был бессмысленным, поскольку система безопасности станции, прежде чем объявить тревогу, должна связаться с курсовым автоматом судна и получить всю информацию, которую тот ей выдал. Но таблица запросов на экране оказалось пуста, что могло означать две вещи – либо с кораблем нет связи, а значит, глупо его вызывать, либо капитан намеренно отключил курсовой автомат, что являлось преступлением по навигационным законам. Если первое, то мне предстоит кого-то спасать, а если второе...

В океане всегда следует предполагать худшее. Не медля, я схватил карточку и ввел в терминал код активации микроволновой пушки. На мониторе тут же отобразилась прицельная сетка и две радарных проекции, а из гнезда пульта выдвинулась гашетка управления огнем. Смешно, конечно. С такой системой наведения только рыб в океане пугать. Хотя для «грелки» большего и не нужно. Это ведь не стрелковый комплекс на «Валерке», отсюда не надо поражать цели, удаленные на десять миль. В общем для пугача и прицел соответствующий.

Переключив систему координат радара на планарную, я сразу заметил янтарную метку судна, приближавшегося с юго-востока. Отсутствие цифрового кода над мерцающей искоркой говорило об отсутствии канала связи с курсовым автоматом, но когда я включил отображение траектории судна, сразу стало понятно, что оно не дрейфует, а прет на хорошем ходу прямоком к станции. И никаких сигналов бедствия. Очень мило. Значит, кто-то, с намеренно отключенным курсовым автоматом, решил проверить, есть сторож на станции, или нет? Ну-ну...

Вообще-то пиратов в этих водах извели практически в ноль, но некоторые буйные головы на Суматре и островах Полинезии все еще пытаются промышлять океанским разбоем. Если это команда отмороженных головорезов, то вступать с ними в рукопашную схватку вряд ли имеет смысл. Пришлось включить активный прицел, чтобы незваные гости не питали лишних иллюзий. Сканирующий луч они засекут сразу, и, может быть, желание причалить к станции у них поубавится. Одно дело просто обчистить ученых во время шторма, и совсем другое связываться со сторожем. Особенно если сторож держит судно в прицельной сетке.

Однако реакция пришельцев меня удивила. Вместо того, чтобы развернуться и удалиться в поисках более легкой наживы, неизвестное судно заложило резкий противоракетный маневр по всем правилам ближнего боя.

– Барракуда меня дери! – невольно воскликнул я, когда корабль вырвался из цепких клещей прицела.

Это было чересчур. Чтобы у малограмотных пиратов такая выучка... Нет, тут чувствуется рука профессионала. Но профессионал не будет отключать курсовой автомат, если он не такой сумасшедший придурок, каким был Жаб.

Я схватился за гашетку управления «грелкой» и чуть порыскал излучателем, пытаюсь снова поймать корабль в прицел. Но не тут-то было – автомат окончательно потерял цель и сдался.

– Ну уж нет... – прошептал я.

Меня заело как следует. Все же я был стрелком по специальности, глубинным снайпером, а не мокрой курицей. И пусть я год не сидел за боевым планшетом, а опыта было не так уж много, но не годится охотнику давать водить себя за нос гражданским. Пусть даже пиратам, барракуда их раздери.

Отключив активный прицел, чтобы не вмешивался, я полностью перекинул управление на гашетку. Я бы предпочел управление через тубус с голографической сеткой, как на «Валерке», но понятное дело, что придется обходиться тем, что имеется.

При взгляде на радарную проекцию сразу стало ясно, что цель ушла далеко влево. Я рванул гашетку, разворачивая излучатель, но пока медлительная тарелка занимала нужное положение, корабль заложили новый противоракетный крен и снова вырвался из зоны прицеливания. Да, за штурвалом там точно прожженный профессионал, не раз и не два уходивший от реального ракетного пуска. Выходит, это либо очень бывалый пират, выживший после стычки с охотниками, что бывало до крайности редко, либо бывший охотник. Это еще менее вероятно.

Кроме того, меня поразило, что столь ловкие боевые финты неизвестный капитан проделывает не на спокойной воде, а в жесточайший шторм. Мало кто вообще мог справиться с судном в такую погоду, а этот умело пользуется направлением ветра и лихо рубит форштевнем волны.

Честно говоря, я немного опешил. Вот если бы у меня под пальцами был пульт управления высокоскоростным стрелковым комплексом батиплана, тогда я бы накрыл эту скорлупку в два счета. Но проклятая «грелка» не была рассчитана на стрельбу по целям, идущим противоракетным зигзагом. В общем-то я оказался в очень неловком положении, но вдруг вспомнил приемчик, которому в свое время меня научил Долговязый. Он говорил, что сам придумал этот фокус, да скорее всего оно так и было.

Пришло время вспомнить его науку. Сверившись с направлением ветра, я повернул гашетку вправо, направив излучатель далеко от того места, где сейчас находился корабль. Идея состояла в том, что раз он уходит быстрее, чем поворачивается тарелка, значит, надо загнать его под выстрел. Чем? Его собственным мастерством!

Я включил активный прицел и тут же опять его выключил. Секунды оказалось достаточно, чтобы капитан, получив сигнал о том, что его нащупывает сканирующий луч, тут же переложил рули влево, пользуясь направлением ветра и ходом волн. И я знал, знал, в какую

сторону он начнет уходить! В общем, когда суденышко вошло в середину зигзага, там уже находился самый центр моей прицельной сетки. Не задумываясь, я нажал кнопку пуска и ударил по цели скрученным высокочастотным лучом.

Результат оказался моментально – вместо того чтобы выйти из противоракетного маневра, неизвестное судно так и осталось с заложенными рулями, из-за чего его поставило бортом к ветру и начало ощутимо сносить. Я представил, как команда, обожженная микроволновой, катается по полу и бранится на все лады. Не до управления им будет минуты две, судя по мощности, которую я применил. Кроме того, я уверенно взял потерявшее маневренность судно в прицел и готов был добавить еще разок, если они вдруг попробуют вырваться.

Склонившись к микрофону, я выдал в эфир:

– Эй, на калоше! Если хотите еще погреться, то можете попробовать вырваться, а если достаточно, то советую выйти на связь и включить курсовой автомат.

Секунду я ждал ответа, держа палец на пусковой кнопке. К чему угодно я был готов, но только не к тому, что услышал в эфире.

– Барракуда тебя дери, Копуха! – дрогнули динамики голосом Долговязого. – Не мог мощность поменьше сделать? Научил я тебя, дьявол, на свою голову! Открывай ворота! Эх, чтоб тебя по пояс в ил закопало! Чтоб тебе в скафандре посрать приспичило!

Пораженный такой неожиданностью, я дал команду на открытие главных ворот и включил сигнальные огни. Вот уж чего не ожидал, так это появления одного из боевых друзей здесь, на станции. Это же надо! На год про меня все забыли, а тут Долговязый пожаловал, да еще на неплохом суденышке. И как узнал, где меня искать? Вот уж неожиданность, так неожиданность. Хотя Долговязый всегда появлялся внезапно.

Зачехлив «грелку» нажатием кнопки отбоя, я выбрался из сторожевой башни и спустился вниз, борясь с ливнем и жесточайшим ветром. Над головой низко летели черные тучи, время от времени сверкая молниями и оглушая сокрушительными ударами грома.

Глава 5

Долговязый

Корабль Долговязого медленно входил в эллинг, освещенный мощными прожекторами. Еще по радарным меткам я заметил, что судно весьма необычное, с высокой мореходностью и отменной маневренностью, но когда увидел его воочию, удивился еще больше. У меня теперь язык не повернулся бы назвать это калошей. Темную воду эллинга резал форштевень скоростной миноносец класса «Рapid» довоенных времен, один из самых удачных малотоннажных быстроходов прошлого века. Оба носовых ракетомета с него были сняты, что изменило силуэт корабля до неузнаваемости, но ничуть не уменьшило стремительность и совершенство обводов. Вместо спаренных бортовых торпедных аппаратов теперь возвышались две решетчатые фермы непонятного назначения, а мачтовые шестиствольные «СМП-300» уступили место двум мощным радарным установкам под пластиковыми кожухами.

Вот уж не думал увидеть это чудо на плаву, а не где-нибудь в прибрежном музее. Кроме того, меня охватила не малая гордость за то, что удалось поразить из никчемной «грелки» столь серьезную цель, как «Рapid», да еще под управлением Долговязого. Это поднимало мою цену как стрелка, хотя, если честно, Долговязый никогда не славился впечатляющими навыками судовождения. Вот если бы за штурвалом был Викинг или Молчуния, тогда бы вряд ли мой фокус увенчался успехом. Стрелял Долговязый отменно, тут говорить нечего, и было чему поучиться, а вот что касается управления, то это не по его части. Хотя любого гражданского он бы в два счета обставил и на этом поприще.

Причальные захваты пирса под «Рapid» не были приспособлены, так что мне пришлось помочь со швартовкой. Под командой Долговязого оказались двое офицеров в форме австралийских спасателей и десяток моряков в разномастной гражданской одежде. Я показал им, куда вязать концы, после чего Долговязый приказал остановить машины и сошел по трапу, корча обиженную физиономию.

– Тебе, Копуха, надо голову лечить у врача, – посоветовал он вместо приветствия. – У меня есть хороший доктор, я свяжусь с ним, попрошу таблеток прислать. Должны помочь. Нормально ли пулять из «грелки» на такой мощности?

– А нормально ходить без курсового автомата противоракетным маневром? – парировал я.

– У молодого поколения плохо с чувством юмора, – заключил Долговязый, поглаживая покрасневшую кожу на лице. – Вот барракуда... Волдыри будут. Облезу.

– Не облезешь. С пятерки еще никто не облезал. Вот если бы я вас десяткой припарил, то пришлось бы тебе у знакомого доктора не таблетки от головы мне заказывать, а себе мазь от ожогов.

– Очень смешно, – хмуро глянул на меня боевой товарищ. – Ладно, у тебя здесь кухонный модуль имеется?

– Имеется. А ты заглянул чисто перекусить?

– Нет, – Долговязый достал из под яркой куртки небольшую бутылку джина. – Надоело из горлышка хлебать. Пойдем, накатим по стаканчику. У тебя ведь сегодня день рождения?

– Не совсем сегодня, но что-то вроде того, – ответил я, совершенно сбитый с толку.

– Отлично. Это прекрасный повод выпить, Копуха. Просто замечательный.

Вообще-то ему повод обычно бывал не нужен. От него и без всякого повода уже пахивало перегаром. Но я прекрасно понимал, что бесполезно спрашивать в лоб, с какой стати он появился тут на бывшем боевом корабле. Раз уж он потратил силы на эффектное появление, то теперь придется ждать от него информацию по капле.

– Ладно, пойдем наверх, – кивнул я в сторону трапа.

Мы поднялись в сторожевую башню, я достал пару стаканов из кухонного блока и усадил Долговязого на место за пультом, а сам устроился на кушетке.

– Это твой боевой пост? – оценил он. – Серьезно. На стрелковый комплекс мало похоже, но тоже неплохо. Вид на океан отличный.

Он плеснул в стаканы на три пальца, мы чокнулись и выпили. Надо сказать, что джин пошел на удивление хорошо.

– Ну, с днем рождения, Копуха, – Долговязый улыбнулся и откинулся на спинку кресла. – Подарка, извини, нет.

– Не сомневаюсь, – фыркнул я. – Но в этот день рождения я уже получил замечательные подарки. Так что не расстраивайся. Лучше расскажи, как ты меня нашел. А то я на грани душевного срыва от любопытства.

– Ой, Копуха! – Долговязый шутливо погрозил мне пальцем. – Я то думал, что у тебя душевный срыв по поводу радости встречи со старым товарищем. Ан нет! Любопытство его гложет, барракуда дерит. Я бы мог сейчас наплевист, как целый год выяснял, где вы с Лесей живете, но это будет враньем. На самом деле мы шли на «Рапиде» из Новой Гвинеи в Шри-Ланку совсем по другим делам. А тут в эфире слышу – Копуха на старую ржавую бочку охотится. Ну, думаю, крюк не большой, турбины «Рапиды» в полном порядке, а отклонение в сто двадцать миль – не проблема. К тому же у тебя день рождения.

– Да, встретиться было хорошей идеей. – Я решил показать, что доволен. – Хотя ситуация в мире не для праздника.

– Это уж точно. В Европе народ сейчас мечется, как толпа салаг под пулеметным обстрелом.

– И охотники застряли.

– Застряли, – кивнул он. – Но мне кажется, платформу можно грохнуть. Надо только подобраться вплотную.

– Ага, – усмехнулся я. – Если бы можно было приблизиться, охотники не торчали бы в безопасной зоне. Радиус тридцать миль, слышал?

– Слышал, слышал, – спокойно ответил Долговязый. – Но рыб-то она к себе подпускает. По каждой креветке если лазером колотить, так никаких запасов энергии не хватит. Мозги у нее железные, значит, программа довольно примитивная и может обсчитывать только те ситуации, которые были известны программисту на момент разработки системы. В связи с этим в глубине могут оказаться безопасные эшелоны, нападение с которых в те времена казались наименее вероятными.

– Достойная цель, конечно, – вздохнул я. – Жаль, что мы не можем сделать ничего такого, чего не сделают охотники со снаряжением.

– Да ладно тебе... А то мы не делали ничего такого, что оказывалось другим не под силу!

Но это была не тема для серьезного разговора. Так, поболтать... Все свои подвиги мы уже совершили, хотя Долговязому судьба их отмерила много больше, чем мне. Просто он намного раньше начал, а закончили мы, получается, вместе. Сам-то он уже несколько лет находился на заслуженном отдыхе по возрасту, что с охотниками вообще-то редко случается. Некоторые гибнут, большинство раньше срока списываются кто по здоровью, кто по ранению, а кто и по собственному желанию. До отставки по возрасту дослуживает может один из сотни, не больше. Вот Долговязый был из таких. На вид ему было лет сорок, но был он уже седой, высокий и худощавый. Когда я впервые познакомился с ним на острове в Атлантике, он жил в деревеньке из тростниковых бунгалов неподалеку от нашей базы, хранил в подвале раритетное снаряжение первых охотников столетней давности и потягивал джин в ресторанчике. Но этот отшельник был лишь частью натуры Долговязого.

Другую часть я увидел позже. И оказалось, что пьяница Долговязый еще ох, как годится для боя. По крайней мере стрелял он раз в десять лучше меня, выдержку имел небывалую, и голова у него работала – дай бог каждому. Но главное – у него было легко и приятно учиться. И было чему.

– Шутишь? – пристально глянул я на него.

– Шучу, – ответил Долговязый. – Кто же мог подумать, что человечество само себе так крепко защемит хвост? Хотя рано или поздно этого следовало ожидать.

– Вот и дождались... – я глянул на бутылку джина, но наливать не стал. – Что собираешься дальше делать?

– Не знаю. То, зачем мы шли на Шри-Ланку, теперь не имеет смысла. Не до торговых дел сейчас людям из-за этой ракеты. Доберемся до острова, заправимся, и обратно. Жалко, топливо зря спалили...

– Понятно. А как вообще все сложилось, после того, как я попал в госпиталь?

– Ну... – Долговязый неуверенно помолчал и произнес после паузы: – Короче, слушай. После того, как тебя подняли и погрузили на катер, еле живого, сюда сразу прибыло два отряда охотников с баз на Шри-Ланке. Потом нагрянула комиссия. Понятное дело, что меня с Викингом сразу вышвырнули пинком под зад, пригрозив судом, если еще раз попытаемся самовольно восстановиться на службе. Викингу, кстати, досталось меньше моего. Его так выпроводили, а мне вменили подделку микросхем глубинного допуска, так что потрепали основательно. От тюрьмы спасло только то, что был охотником. Так что с Викингом нас сразу раскидало, а Рипли, Молчунья и Чистюля отправились на одну из баз в Индийском океане. Это мне Чистюля потом написал. А остальное ты знаешь, наверное. Молчунью тоже списали по здоровью, за то что глухонемая. Рипли назначили повторную медкомиссию, справедливо предположив, что Жаб мог подкупить Макамоту. Но она ее прошла, сохранив себе погоню, а Макамоте, кроме погон, еще и свободу. Такая вот история, – Он вздохнул. – Я сразу после этой кутерьмы решил податься в Австралию. Возвращаться в Атлантику, на опостыливший остров, не было никакого желания. А тут новая земля, новые люди. И с работой повезло. Представляешь, взяли в спасатели, несмотря на то, что охотник в отставке. В Австралии с этим проще, там работяги нужны.

Я ему от души позавидовал. Быть спасателем в океане – это совсем не то, что сторожем на биологической станции. Более того, в спасателях самое место отставным охотникам. У меня тоже был соблазн попытать счастья на материке или на Шри-Ланке, но победило желание остаться с Лесей. Пожалуй, я ни разу не пожалел об этом. Да, точно не пожалел. Океан взамен Леси мне не был нужен. Я ее предпочел взамен океана. И теперь, в день рождения, судьба словно укоряла меня за это, подкидывая известия о тех, кто сделал другой выбор. То дала поохотиться на старый понтон, то теперь вот свела с Долговязым, навеяла воспоминания. Океан соблазнял меня, манил, искушал. Но я был тверд в своем решении и не собирался менять судьбу. В конце концов свою долю приключений я хлебнул, а вот тихое семейное счастье пока оставалось чем-то недоступным. И было ясно, что этот день все решит – мне придется окончательно выбрать спокойную сухопутную жизнь и воспоминания о бурных событиях, получив взамен радости обычных людей. К этому я был готов. Я был готов еще посидеть с Долговязым немножко, попрощаться с ним, проводить, а затем навсегда снять с себя форму охотников. Это было бы правильным, но именно в ту минуту, когда я об этом думал, на пульте замигал вызов.

– Отойди в сторонку, – попросил я Долговязого. – А то если это начальство, мне могут всыпать за посторонних на станции.

Он фыркнул и убрался из зоны обзора камеры, а я нажал кнопку ответа. К моему удивлению, на экране появилось лицо Лески.

– Не спишь? – спросила она.

– Тут уснешь! – неопределенно ответил я. – И новое место, и буря, и термоядерные боеголовки над головой...

– Мне и вовсе не до сна. Оказалось, что дельфины тоже не могут подойти к платформе. Точнее, сами-то могут, а вот с записывающим и навигационным оборудованием никак. Самих же их расспросить о механизме не легче, чем слепому объяснить, как выглядит полярное сияние.

– Значить, программу свернули, и тебя освободили от должности спасительницы человечества?

– Как бы не так! Ты даже представить себе не можешь, что тут произошло! – В глазах у Леськи блеснул особенный огонек, который всегда загорался, когда она бывала собой довольна. – Я не выдержала, думаю, дай-ка перекинусь с тобой парой слов. Уверена была, что не спишь.

– Не томи душу! – улыбнулся я, на самом деле ощущая нарастающую тревогу.

– Короче, один дельфин из группы Мигеля погиб. На платформе сработал лазер, как только он пересек двадцатимильный радиус. Все были в шоке. Понятно, что следующая пара пошла без снаряжения, налегке. Но затея оказалась пустой. Мы не смогли даже объяснить дельфинам, что надо искать. Это с орбитальной навигацией им можно задать точные координаты поиска, а так что? Найдите то, не знаю, что, а потом расскажите, как оно выглядит. К тому же многих технических понятий в языке китообразных попросту не существует, и нам пришлось показывать дельфинам разные металлические конструкции, чтобы они хоть как-то для себя их называли. Но толку все равно никакого не вышло, хотя это была моя идея.

– Да, если твоя, то неудача действительно выглядит несурзной, – пошутил я.

– Не ерничай! Зато мне в голову пришла не менее гениальная мысль. У нас ведь есть два дельфина, с большим опытом работы именно на технических сооружениях. Если послать к платформе Тошку и Лидочку, они смогут многое рассказать. И уж найдут ее точно, поскольку им гораздо проще будет объяснить, что значит «ракетная платформа в глубине». Я тебе ведь не говорила, но Тошка в молодости занимался поиском неразорвавшихся ракет в шельфовой зоне.

– Ого! – удивился я. – Так мы с ним почти коллеги. Только немного разного профиля.

– Вот-вот. Так что жди, я скоро буду с ребятами у тебя. Транспорт уже греет турбины.

– А шторм? – у меня в душе зародилось беспокойство.

– Да что ты, Рома! У нас отличные моряки, не хуже ваших охотников. В общем выпасться нам сегодня вряд ли дадут. Жди, часа через три готовы швартовочные узлы для среднего транспорта.

– Посолиднее что, нет ничего? Средний транспортник в такую бурю...

– Да успокойся ты! Все будет нормально.

Она улыбнулась и отключила канал.

– Рисковая у тебя жена, – негромко произнес Долговязый, шагнув из тени. – Я бы если на среднем транспортнике в такую погоду отчалил, то только с Викингом за штурвалом.

– Не трави душу! – пробурчал я, после чего запросил на экран картинку с спутника и данные о погоде.

Ни картинка, ни цифры меня не успокоили. Ветер продолжал усиливаться, в тучах полыхала гроза, а в инфракрасном изображении виднелся западный берег Суматры, откуда должен отойти транспортник Леси. У меня было твердое намерение взять корабль, как цель, и вести всю дорогу до «Тапрабани».

– Пожрать у тебя совсем ничего нет? – спросил Долговязый.

– Бутерброд, – механически ответил я, открывая створки кухонного модуля.

Странно, но вместе с беспокойством за Лесю во время шторма у меня зародилось и еще одно неприятное чувство. Не хотелось, чтобы Леська уловила исходящий от меня спиртовой дух. Выпивку она вообще не одобряла, а тут, на посту – тем более. К тому же с ней наверняка будет кто-нибудь из начальства, что не сулит ничего хорошего в моем положении. Так что

я немного раскис. А Долговязый, как ни в чем ни бывало, оприходовал бутерброд и теперь довольно его пожевывал.

– Хороший у тебя терминал, – пробормотал он с набитым ртом. – К спутникам подключен...

– Не жалуюсь.

Если честно, Долговязый как-то сразу, без всякой причины меня достал. Вообще-то и раньше такое бывало. Нельзя сказать ведь, что мы были большими друзьями, просто судьба очень крепко свела нас помимо воли. Бывало, что Долговязый целиком захватывал мое внимание – он умел ярко что-то описывать, много знал и много где побывал, так что его интересно слушать и есть чему поучиться. Но это когда он хотел поделиться чем-нибудь. В такие минуты он становился совершенно другим, почему-то напоминая мне некий бесплотный дух, владеющий всеми тайнами мира. В другое же время – обычный скучноватый сорокалетний мужик. Как сейчас, например. Я бы ничуть не расстроился, если бы он попрощался и отчалил на «Рапиде», оставив меня в покое. К тому же ему в ближайшее время все равно придется это сделать, иначе мне задницу надерут. Скажут, мол, напился, неизвестно кому ворота открыл, да еще пришвартовал нестандартный корабль в эллинге. Однако мне неудобно было высказать все это Долговязому прямо и выпроводить его. Все же человек отклонился от курса ради того, чтобы поздравить меня с днем рождения. В принципе, пару часиков еще можно его потерпеть, но потом в любом случае придется объяснить обстановку.

– Новости включи, – посоветовал Долговязый, садясь на кушетку. – Интересно, как события развиваются.

На новостийном канале про охотников и их затруднения ничего сказано не было, зато мы прочли интересную заметку о разработке операции «Удар». Смысл ее заключался в уничтожении ракеты имеющимися средствами прямо на орбите или вскоре после включения тормозных двигателей. В качестве первого варианта предлагалось столкновение ракеты с спутником. Несмотря на кажущуюся привлекательность этой затеи, большинство экспертов склонялись к выводу о ее чрезвычайной опасности. Многие считали, что система безопасности ракеты постоянно сканирует пространство, и в случае атаки под опасным углом на опасной скорости может уничтожить спутник лазерным выстрелом. Это в лучшем случае. А в худшем – ответить включением тормозных двигателей и разделением боеголовок. Поэтому данный вариант решили пока не претворять в жизнь, в особенности после того, как в точности зафиксировали радарный луч, испускаемый ракетой.

Другим вариантом, гораздо более сложным, была попытка уничтожить ракету уже после того, как она включит тормозные двигатели. Для этого предполагалось использовать несколько пустых баллистических лайнеров, управляемых дистанционно и с помощью автопилотов. Как только ракета включит режим торможения, инженеры-баллистики должны будут быстро и точно просчитать ее траекторию, и по их команде с земли стартуют несколько транспортных лайнеров, груженных песком. Их траектории должны быть такими, чтобы столкнуться с ракетой в плотных слоях атмосферы, еще до разделения боеголовок. В принципе, имеющейся мощности квантовых вычислителей достаточно для такого маневра даже одним баллистиком. Если же применить их несколько, то вероятность поражения ракеты возрастет многократно. Недостатком варианта была проблема радиоактивного заражения – из разрушенных боеголовок на поверхность планеты и в океан рухнут несколько килограммов оружейного плутония, что может вызвать серьезные экологические проблемы.

Большинство экспертов считало, что когда будет полностью подготовлен второй вариант, когда баллистики замрут на старте, можно будет применить и первый – ударить в ракету спутником. Если она его уничтожит или начнет торможение, тут же стартуют транспортники и разнесут ее вдребезги при входе в атмосферу Земли. Если же система безопасности не сработает,

ракета столкнется со спутником и превратится в плазму на орбите, что было бы наилучшим исходом.

Президент Европейского альянса уже дал согласие на проведение операции «Удар» по комбинированному варианту.

– Хорошо придумали, – оценил Долговязый. – С точки зрения гражданских, конечно.

– Что ты имеешь ввиду? – насторожился я.

– А то, что это боевая ракета. Все уже позабыли, барракуда их дери, что такое реальная боевая техника! Вот и городят чушь. Ну сам подумай! Эта ракета была рассчитана на применение в условиях жесточайшей системы противоракетной обороны столетней давности. А они хотят долбануть ее старым орбитальным ведром или тяжелым на подъем баллистическим лайнером. Рыбам на смех! Ее и противоракетными снарядами, шустрыми, как молния, не каждый раз можно сбить, а они собираются транспортники запускать с расчетными перегрузками. Скажу я тебе, Копуха, что не получится из этого ничего. Это все равно, что против бывшего охотника с гарпунным карабином выставить роту спасателей с электрошоковыми дубинками.

Исход такой схватки был для меня очевиден. Я вспомнил, как в северной Африке нам впятером с Чистюлей, Молчуньей, Жабом и Рипли пришлось вступить в бой с тремя десятками арабов, вооруженных ракетными ружьями, да еще при поддержке легкого гравилета с кумулятивной ракетной подвеской. И ничего, дали мы им прочихаться. Амфибию нашу, правда, в решето превратили, но ранили одного Чистюлю, да и то легко – ноги осколками посеколо и оцарапало руку. Именно за этот бой мне дали Кровавую Каплю, а Чистюлю наградили орденом Алмазного Гарпуна. При этом нас с Чистюлей никак нельзя было назвать тогда бывалыми охотниками. В общем я понял аналогию Долговязого – против боевого оружия надо применять боевое оружие.

– И что теперь будет? – осторожно спросил я его мнение.

– Если успеют эвакуировать крупные города до того, как ракета пойдет на боевой заход, то отделаемся сильным испугом и радиоактивным озером на месте Европы. Если нет, то и думать не хочется. А кто знает, сколько на этой платформе еще осталось снаряженных ракетных шахт?

Последней фразой ему удалось как следует меня напугать. Понятно, что после объявления всеобщей тревоги я и без того находился в нервном напряжении, но это было другое. Я знал, что удар не будет нанесен по районам Индийского океана, что Европа далеко, что все мы в относительной безопасности. Но если взмоют из шахт остальные ракеты, что будет тогда? Облака поднятой радиоактивной пыли? Глобальное похолодание? Вот влипши-то, барракуда нас всех дери!

Как-то отчетливо я вдруг понял, что безопасных мест на Земле теперь попросту нет. Что человечество столкнулось с такой угрозой, противостоять которой оно не в силах. Причем в большой мере по собственной глупости и недальновидности. Ну что стоило оставить под жесточайшим контролем хоть несколько термоядерных ракет-истребителей? Да хотя бы на случай, если астероид решит на Землю свалиться. Его они тоже будут грузовыми баллистами останавливать?

«Хорошо, что мы с Лесей ребенка еще завести не успели!» – подумал я с замиранием сердца.

– Страшно? – сощурившись, спросил Долговязый.

– Умеешь ты поднять настроение... – отшутился я, чтобы прямо не отвечать на вопрос.

Подумав, что на семь бед все равно будет один ответ, я плеснул себе еще джина.

– Верное решение, – одобрил Долговязый, и мы с ним выпили.

Примерно через час я снова подключился к камере спутника и засек корабль в двадцати милях от белого контура побережья Суматры. Вряд ли кто-то станет без дела отчаливать в такую погоду, так что это точно была Леська с командой, хотя класс корабля при таком приближении определить невозможно.

– Твоя жена, – сказал Долговязый, глянув на экран.

– Я тоже так думаю.

– А я не думаю, я знаю. Это средний транспортник класса «Риф».

– С чего взял?

– Это ты спрашиваешь у первоклассного стрелка? – усмехнулся он. – Не смей мои седые волосы, Копуха. По соотношению скорости дрейфа к скорости хода можно определить класс судна не хуже, чем по данным с курсового автомата.

– Ну ты даешь... – невольно присвистнул я.

– А ты изучай, изучай данные судов. Пригодится.

– Теперь вряд ли, – грустно отмахнулся я.

– Никакая наука не бывает напрасной, – уверенно заявил Долговязый. – Если считаешь иначе, если находишь отговорки, то ты просто лентяй.

Это меня заело, но не было никакого желания спорить или оправдываться. Не мог же я ему объяснить, что сегодня навсегда хотел распрощаться с охотником в себе. А тут он со своими советами!

Судя по данным о погоде, поступающим на пульт, сила шторма постоянно росла. Но Долговязый меня успокоил:

– Не грузись. У них, судя по незначительному дрейфу, отменные машины и хорошо обученный капитан. Снос минимальный для среднего транспортника.

Я усилил приближение камер, и мы теперь оба неотрывно смотрели, как небольшой турбоход яростно режет буйные океанские волны. К сожалению, изображение в оптическом спектре через столь плотные тучи получить невозможно, так что пришлось довольствоваться компьютерной интерпретацией инфракрасного и ультрафиолетового диапазона. В общем-то картинка была очень даже реалистичной, с тем только недостатком, что не включишь максимальное приближение. На экране кораблик прорисовывался веретенцем длиной с ноготь мизинца, не больше, а на палубные надстройки намекали три неясных пятна. И все-таки там была Леся, я это знал и даже ощущал в какой-то мере. Нет, кроме шуток.

Хотелось с ней связаться, но я не знал сетевого адреса судна, а кричать на весь эфир в данной ситуации было глупо. Так что оставалось ждать, когда она сама подключится к каналу «Тапрабани».

– У тебя есть возможность бросить координатную сетку на экран? – спросил Долговязый.

– Не знаю... – мне пришлось просмотреть все менюшки на интерфейсе, чтобы отыскать нужную команду. – Да, вот. А зачем тебе?

– Да так, проверить кое-что.

Он посмотрел на изображение, затянутое теперь сеткой планарных координат, что-то подсчитал в уме и неуверенно глянул на меня.

– Давай-ка свяжемся с ними, Копуха.

– Что такое? – заволновался я, почуяв недоброе.

– Да погоди ты! Я давно не бывал в этих водах, так что ни в чем не уверен. Дай мне эфир.

– Не могу! Меня уволят на фиг, за то, что на станции посторонние.

– Ну так сам включись, барракуда тебя дери!

– И что я им скажу? К тому же я не знаю, по каким позывным к ним обратиться.

– Эх, понабирали детей в охотники, – вздохнул Долговязый. – А ведь этот еще один из лучших! В аварийных случаях можно использовать класс судна в качестве позывных. Это раз. Во-вторых, узнай, будь любезен, какого дьявола капитан прет на точку в локальном квадрате В-10.

– А что там?

– Насколько я знаю, переменного затопляемый риф. Конечно, его могли взорвать с тех пор, когда мы с Кривоносом тридцать лет назад на него налетели, но все же на месте капитана...

Я не стал дослушивать, включил аварийную волну и склонился над микрофоном:

– Здесь станция «Тапрабани»! Транспортник «Риф», ответьте станции «Тапрабани»!

– На связи «Риф», – ответил в динамиках незнакомый мужской голос по-русски с сильным акцентом. – Мы следуем курсом на вас, все в порядке.

– Вы знаете о затопляемой банке в локальном квадрате В-10?

– Нет. На карте ничего подобного нет. Откуда информация?

– Я бывал в этих водах, – соврал я.

– Хорошо, я проверю сонаром, – ответил капитан. – Спасибо за информацию.

Я вытер пот со лба и откинулся в кресле. Через минуту капитан снова вышел в эфир:

– «Тапрабани», ответьте «Рифу» 2410.

– На связи, – придвинулся я к микрофону.

– На сонаре нет никакой банки. Второй помощник говорит, что ее снесли лет тридцать назад. Это в каком же возрасте ты бывал в этих водах?

Мне стало так стыдно за вранье в аварийном эфире, что щеки запылали.

– Ну я же не лично ее видел. – Оправдание придумалось неожиданно быстро. – Я бывал в этих водах год назад, и моряки говорили об этой банке.

– Понятно. Хорошая у тебя память на координаты. Еще раз спасибо, мы идем к вам.

Я отключился и косо глянул на Долговязого. Тот виновато пожал плечами, мол, с кем не бывает? Однако мне от его оправданий было не легче. Это был повод выпроводить его со станции без особенных церемоний.

– Скоро они будут здесь, – начал я в надежде, что Долговязый поймет намек.

И он понял. Чего уж тут не понять?

– Ладно, Копуха, – подмигнул он. – Если меня здесь застанут, тебе хороших слов мало скажут. Так что я, наверно, отчаю. Проводишь?

– Конечно, – у меня все-таки защемило сердце. – Хочешь еще бутерброд?

– Нет, спасибо. И так посидели неплохо. Если вдруг понадобится, вот сетевой адресок «Рапида». Я на нем часто шатаюсь вдоль Суматры и Новой Гвинеи.

Он достал из кармана визитку с выгравированными на пластике данными. Карточка была не дешевой – по краю я заметил тонкую сигнальную полоску для прямой передачи данных в компьютер.

– Спасибо.

Щурясь от ветра и соленых брызг, мы покинули сторожевую вышку, спустились по лестнице и выбрались в эллинг. Долговязый скомандовал отдать концы, взбежал по трапу и помаhal рукой с борта «Рапида». Хорошо, что он не мог вблизи видеть моего лица, потому что глаза мои наверняка поблескивали от навернувшейся влаги. Ясно ведь было, что Долговязого я больше никогда не увижу. Всегда грустно выкорчевывать из души обломки прошлого. Но это были именно обломки, так что нечего за них цепляться. Я вскинул руку и помаhal в ответ.

Ворота эллинга распахнулись, «Рapid» запустил турбины и на самом малом ходу начал осторожно пятиться к бушующим снаружи волнам. Я дождался, когда корабль благополучно покинет внутреннюю акваторию и только после этого шмыгнул носом. Проклятые слезы помимо воли покатались из глаз. Наконец-то ворота закрылись, главные прожектора начали медленно меркнуть и мне пришлось постоять немного, чтобы освоиться в полутьме.

И вдруг до слуха донесся протяжный свист и несколько коротких дельфиных щелчков. Я удивленно обернулся и разглядел за решеткой вольеры Тошкину морду. Похоже, он хотел перекинуться со мной парой фраз, но я сейчас не был настроен трепаться. В конце концов, в мои обязанности не входило общение с дельфинами, а еще точнее никто мне карточку от коммуникатора не выдавал. Так что переживут.

Ветер снаружи настолько окреп, что порывом меня чуть не сбило с лестницы, когда я поднимался в сторожевую башню.

«Ну и разгулялась буря» – подумал я, протискиваясь внутрь, где было тепло и сухо.

Усевшись за пульт, я глянул на монитор, куда проецировалось изображение с орбитальной «линзы», и оторопел. Все было на месте – пенное побережье Суматры, белая бусинка «Тапрабани»... Только Леськиного транспортника не было видно. Нигде.

Глава 6

Катастрофа

Первые несколько минут я вообще не знал, что делать. Растерялся, и все. Я даже не попробовал вызвать судно, поскольку было ясно – если корабля не видно со спутника, то где ему быть, кроме как под водой? Наверное, только минуты через три тихой истерики я догадался переключить монитор в режим отображения радиоспектра, чтобы иметь возможность хоть приблизительно понять рельеф дна. На экране отобразилась карта глубин, размеченная разными цветами для точности. У меня сердце остановилось – на остатках взорванного рифа, на глубине около тридцати метров, лежал на боку средний транспортник. Где была Леська, я видеть не мог, но вариантов не много – либо на поверхности океана среди сокрушительных волн, либо внутри корабля. Второе не означало верную гибель, если отсеки задраены по штормовым правилам. В этом случае вода могла попасть только в трюмы и в полости внешнего корпуса, оставив отсеки с людьми незатопленными. Но средний транспортник – это вам не батиплан. В нем нет системы регенерации воздуха, так что просидеть там можно всего ничего – пока кислорода хватит. Если же корабль разломился, и люди оказались снаружи...

Об этом не хотелось и думать, потому что в такую бурю среди волн не выжить без специального снаряжения. И все же, как ни страшно такое признать, вариант с разрушением корпуса казался мне единственной причиной катастрофы. Просто борта не выдержали натиска волн. Такое бывает. И тогда свирепая стихия, ворвавшись в образовавшуюся трещину, распирает ее, рвет, крушит бортовые листы, в конце концов переламывая корпус на части. Достаточно капитану чуть ошибиться с углом направления хода относительно ветра – и все. При таком шторме этого более чем достаточно.

Однако приглядевшись к изображению на компьютере, я немного взбодрился, поскольку на вид корпус транспортника выглядел целым, а потому дело могло обойтись локальной пробойной.

Еще через несколько секунд в динамиках пульта раздался сигнал тревоги – сработал аварийный буй, сорванный с переборки корабля в момент затопления. Этот сигнал получают все спасательные станции и базы охотников, поскольку передается он через спутник и выдает точные координаты катастрофы. Тут же на мониторе моргнул сигнал частного вызова. Судя по адресу, это был Долговязый. Я стукнул по клавише приема и увидел его лицо.

– Я принял сигнал, – сообщил он. – Мы ближе всех к месту аварии.

– Так рули же туда скорее! – не сдержавшись выкрикнул я.

– А ты?

– Что я? Рули туда! Если судно разломилось, они на поверхности и получаса не продержатся!

– Успокойся, барракуда тебя дери! – неожиданно громко рявкнул Долговязый. – Паники мне в океане только не хватало! Я видел в эллинге два спасательных катера. Быстро садись в один и догоняй меня по курсу. Я дам пеленг с радиомаяка.

– В такой шторм на катере?! – у меня душа опустилась в пятки.

– Ну подскажи мне другой способ! Катер выдержит натиск волн минут десять, тебе этого времени с лихвой хватит на то, чтобы догнать «Рapid». А там я тебя подниму, не дрейфь!

Совершенно ошалев от ужаса и рвущейся наружу истерики, я распахнул дверь и кубарем скатился с лестницы, разбив локоть об одну из ступенек. Тут же меня шарахнуло крепким порывом ветра, я не удержался и грохнулся головой в переборку. Из глаз посыпались искры, но я нашел в себе силы протиснуться в коридор станции и задраить за собой дверь.

В голове продолжало гудеть, когда я сбежал по трапу в эллинг и запрыгнул на борт катера. Увидев это, дельфины забеспокоились, и я подумал, что они могут оказаться полезными там, на глубине тридцати метров. Однако бежать к коммутатору у меня не было времени, так что я просвистел телеграфным кодом сигнал бедствия древних моряков. Это были всего три буквы, – SOS, – так нас учили в учебке. Раз Тошка знал телеграфный код, то он должен был это понять. А вот проверить его реакцию у меня не было ни времени, ни желания – захотят, пойдут следом, а силком их все равно не заставишь. Я врубил турбины на малый ход и чуть приподнял катер над водой, проверяя систему глиссирования. Прямоточных моторов на этих скорлупках не было предусмотрено, так что придется обходиться стандартной оснасткой.

Когда ворота эллинга распахнулись на достаточный угол, я до максимума довел напряжение поля глиссирования и полностью раскрыл диафрагмы турбин. Катер рванулся вперед, как снаряд из ракетомета, но я успел опустить герметичный акриловый колпак раньше, чем оказался в бушующем океане. И тут же шторм вцепился в меня, как голодные акулы вцепляются в брошенный за борт дохлый скафандр. Первой же волной шарахнуло так, что затрещал корпус, и я сильно пожалел, что не пристегнулся заранее. Пришлось делать это под непрерывным натиском стихии, да еще с лицом, разбитым о приборную панель.

Наконец, пристегнувшись, я кое-как выровнял катер. Утирая текущую из носа кровь, стиснув штурвал до побелевших костяшек пальцев, я старался вести катер так, чтобы попадать между гребнями волн. Это был единственный способ удерживать днище в паре метров над водой, в почти непрерывном полете за счет мощности генераторов глиссирования. Но, учитывая силу ветра и скорость набегающих волн, это было очень непростой задачей. В общем мне приходилось беспрестанно маневрировать, при этом удерживая среднее направление строго на север. Это главное – отойти подальше от «Тапрабани», иначе океан расшибет меня о станцию в плоскую, как скат, лепешку.

В конце концов радар показал достаточное удаление от опасного объекта. Теперь надо было взять пеленг на «Рapid» и не отклоняться от него ни на градус, потому что никаких других ориентиров в сумасшедшей пляске воды, волн и молний отыскать не получится... Я дал курсовому автомату поймать сигнал радиомаяка, включенного Долговязым, но большой надежды на электронное управление не было, так что я перекинул метку еще и на сетку радарной проекции. Автомат автоматом, но он не был рассчитан на такие условия, так что я постоянно подстраховывал его и подправлял штурвалом.

И все-таки, как ни старался, волны то и дело доставали меня. Каждый такой удар походил на автомобильную аварию на небольшой скорости – рывок, скрежет, вой измученного металла и скрежет пластика. Не говоря уже о том, что организм тоже выдерживал натиск с трудом – у меня перед глазами колыхалась красноватая пелена, а кровь из носа текла уже двумя непрерывными ручьями. Один раз я ударился головой о прозрачный колпак, да так сильно, что на миг потерял сознание. Выручил курсовой автомат, сохранивший, несмотря на рывок, направление на выбранный пеленг. На лбу у меня вскочила огромная шишка, а к горлу подступил тошнотворный ком. Видимо, от легкой контузии начал сдавать вестибулярный аппарат.

Управлять катером становилось все труднее. У меня дрожали руки, голова шла кругом, а видно не было ровным счетом ничего, кроме водоворотов пены на обзорном колпаке. Еще время от времени рассекала пространство низкая молния, оставляя на сетчатке негативный фотоснимок. Однако даже гром не мог спорить по силе воздействия с натиском волн. Единственным ориентиром во Вселенной являлась для меня метка пеленга на радарной проекции – крохотная янтарная мушка в зеленой паутине полярных координат.

И я испугался. Точнее, не я сам, а тот зверь, который живет в каждом из нас, то первобытное существо, которое руководствуется не разумом, не долгом, а одними инстинктами. Однако иногда, особенно в критические моменты, этот зверь так прочно перехватывает инициативу, что с ним не просто справиться. Этот зверь понял, что смерть вот она, рядом – одна-

две ошибки с выбором курса, и все, конец. Он заметался внутри, склоняя к рефлекторным, необдуманым действиям, а я не выдержал и закричал от ужаса и бессилия.

Спасла мысль о Леське. Достаточно было представить, что она погибла, что мои усилия не помогут, и что я не смогу жить без нее, как зверь тут же ослабил хватку, и мне удалось вернуть управление под контроль разума. На самом деле мне не верилось, что ее может убить океан. Кого угодно, но только не ее. Это было бы просто нечестно.

Зверь же внутри меня выл и корчился от дикого первобытного ужаса перед стихией. Он с огромной скоростью придумывал разнообразных богов, поклонялся им, низвергал за беспомощность и придумывал новых. Я как-то сразу, в течение коротких мгновений, понял суть всех религий. Все верования разумных существ созданы под действием страха смерти. Все они призваны сделать только одно – отодвинуть ужас неминуемой гибели так, чтобы он хоть какое-то время не мешал жить. Все духовные и философские задачи вторичны. Они родились чуть позже, когда ледяной страх грядущего Ничто чуть разжал когтистые пальцы.

Этот страх редко когда удается ощутить в чистом виде, но кошмарнее его нет ничего. Он приходит только на самом краю, когда смерть дышит в затылок, когда ее видишь, а не просто знаешь о ее теоретическом существовании. Наверное такой страх испытывают копытные травоядные в тот момент, когда в них впиваются когти хищника. Некоторым удастся вырваться, но я с трудом представляю, как им удастся пережить это пограничное состояние между жизнью и смертью. Травоядных скорее всего выручает полное отсутствие интеллекта, но даже совсем без мозгов я бы никому не пожелал испытать такое.

А у меня таким было не мгновение, не два, не три. Я оказался в когтях грозного хищника по имени Океан, от которого вообще нет спасения. То есть я еще был жив, но уже умер, смерть была неотвратима и неизбежна. Зверь во мне понял, что как бы руки ни крутили штурвал, это напряжение невозможно будет удерживать долго. И если не эта волна, так другая, все же настигнет и уничтожит катер, сомнет его и утащит в глубину океана. Я живо представил, как мое тело медленно опускается на базальтовое дно.

И тут же в эфире раздался голос Долговязого:

– Молодец, Копуха! Вижу тебя на радаре. Отверни на десять градусов к востоку, а то уходишь с курса. Не дрейфь, я тебя подберу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.